



М. И. БУЗУКАШВИЛИ

ЕРМАК

М. И. БУЗУКАШВИЛИ

ЕРМАК

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

ББК 63.3(2)44
Б90

Редактор *Т. П. Булгакова*

Бузукашвили М. И.

Б90 Ермак. — М.: Воениздат, 1989.—143 с.: 4. л ил.—
(Героическое прошлое нашей Родины).

ISBN 5—203—00333—5

В историко-биографическом очерке в популярной форме рассказывается о прославленном народном герое, талантливом военачальнике Ермаке, его экспедиции в Зауралье, положившей начало покорению и освоению Сибири в конце XVI столетия.

Книга рассчитана на массового читателя.

Б 0503020200—033
068(02)—89

КБ—33—2—1988
БЗВ № 12—1988—№ 1

ББК 63.3(2)44

ISBN 5—203—00333—5

© Воениздат, 1989

«РОДОМ НЕИЗВЕСТНЫЙ, ДУШОЙ ЗНАМЕНИТЫЙ»

В конце июня 1581 года польский король Стефан Баторий получил письмо от коменданта Могилева Стравинского. В этом послании комендант сообщал об оборонительных боях, которые вел с русскими войсками, и упомянул несколько фамилий русских воевод, атаковавших Могилев. Среди тех, чьи имена назвали коменданту пленные, был и «Ермак Тимофеевич — атаман казачный».

Вот уже почти четверть века продолжалась кровопролитная, опустошительная Ливонская война. Вначале войска Ивана IV одерживали победы, сокрушили грозный Ливонский орден, успешно вели бои против Швеции, Польши, Великого княжества Литовского. Казалось, близка цель, ради которой царь развернул военные действия, — присоединить Прибалтику, получить выход к Балтийскому морю. Русское дворянство мечтало о новых землях, купечество — о расширении экономических связей со странами Западной Европы.

Под мощным натиском русских солдат сдавались прибалтийские города, крепости. Но победы сменялись поражениями. Иван IV, самоуверенно заявлявший, что «тот, кто бьет, лучше того, кого бьют», все чаще был вынужден смиряться с неудачами, особенно после того как на польский престол вступил в 1576 году Стефан Баторий,

полководец энергичный и искусный, сумевший перевести войну на русскую территорию.

Ему сопутствовала удача. Непрерывные войны, которые вел русский царь, привели к хозяйственной разрухе в стране. Иван IV уничтожил многих способных военачальников в годы опричнины. Повсюду царил страх, вызванный жестоким террором; росло народное недовольство. И этим умело воспользовался польский король. Он переломил ход Ливонской войны, взял инициативу в свои руки, одержал несколько крупных побед, намеревался пойти на Москву. И только героическая оборона Пскова, начавшаяся в августе 1581 года, доблесть русских войск, самоотверженно защищавших каждую пядь земли на западной границе, задерживали наступательный порыв Батория и привели к десятилетнему перемирию в 1582 году.

Но в то время, когда король получил письмо от Стравинского, и оборона Пскова, и перемирие были делом ближайшего будущего.

А пока в июне 1581 года Стефан Баторий готовился к походу на Москву, к крупной кампании, которая должна была, по его мнению, привести к победе над Россией. И вряд ли, получив письмо от коменданта Могилева, он обратил внимание на незнакомого ему русского атамана — Ермака Тимофеевича. Мало кто знал его тогда.

Послание Стравинского польскому королю — первый известный нам достоверный документ, в котором звучит имя человека, который вскоре вошел в историю.

Документ очень важный. Если бы не эта строчка в письме, то трудно было бы с уверенностью утверждать, что Ермак участвовал в Ливонской войне в 1581 году, сложнее было бы датировать начало его похода в Сибирь.

«Ермак Тимофеевич — атаман казачий».

Ермак... Не правда ли, имя странное, редкое, непривычное? И в то далекое время оно встречалось нечасто. По словарю В. Даля, ермак — это «малый жернов для ручных крестьянских мельниц».

Одна из многочисленных легенд так объясняет происхождение этого необычного имени. Возглавляя якобы один из отрядов волжской вольницы, атаман после набегов на богатых купцов всю добычу складывал в общий котел, а потом делил по справедливости, чтобы никого не обидеть. Да и местную бедноту одаривал. Отсюда будто бы и пошло прозвище «котел», которое потом переименовали на «ермак».

В старину к христианским именам часто давались и прозвища. Случалось, имя предавалось забвению, а кличка оставалась, и с нею становился человек известен потомкам. Нередко прозвище очень удачно передавало внешний облик человека, его характер, привычки, склонности.

Не раз высказывалось и такое предположение, что Ермак не прозвище, а имя. Всего историки приписывают атаману около десятка имен. Среди них чаще всего встречаются семь: Ермак, Ермолай, Ермил, Герман, Василий, Тимофей, Еремей. Многие считают, что, скорее всего, атамана звали Ермолаем, а для краткости Ермаком.

В сибирских синодиках, где поминаются погибшие члены дружины, предводитель их именуется то Ермаком, то Ермолаем, так как первое имя христианским не признавалось.

По летописным сведениям, Ермака в обиходе называли еще «токмаком». Диалектное слово «токмачить» означало в разных местностях «толочь», «толкать», «бить», «колотить». Такое прозвище мог носить человек физически очень сильный. Крепость мышц, косая сажень в плечах — все это ценилось у казаков, которых их суровая жизнь постоянно сталкивала с опасностями. Лишь обладая недюжинной силой, можно было с честью выйти из испытаний, которыми изобиловала жизнь наемных воинов.

В былинах, песнях, сказах воспевалась сила, и, конечно, человек с прозвищем «токмак» невольно заслуживал у окружающих уважение, любовь, поклонение. Если,

разумеется, сила его служила добру, сочеталась с другими качествами — умом, честностью, благородством, душевной широтой, талантом, столь ценными в народе.

За этим метким прозвищем представляется человек, не останавливающийся ни перед каким препятствием во имя достижения поставленной цели, не робеющий перед трудностями, не устающий бороться за справедливость. Словом, личность неординарная, мужчина не только с мощными мускулами, но и упорный, способный доводить раз начатое дело до конца. Ведь неспроста в народных преданиях называют атамана младшим братом Ильи Муромца.

Изображений Ермака не сохранилось. Вполне возможно, что их вообще не было. Как писал в начале прошлого века президент Академии художеств А. Н. Оленин, «прежде завоевания Сибири, верно, не приходило на ум казацкому того века атаману заставлять с себя писать портреты, да сие искусство весьма мало еще известно было в России; во время же завоевания им обширного Сибирского края, продолжавшегося около трех лет, в непрерывных трудах и опасностях не было, кажется, ему удобного времени заботиться о своих портретах, да, вероятно, и не было кому их писать; а поэтому я полагаю, что в изображениях сего достопамятного мужа, оказавшего столь великую услугу России, мы должны, к крайнему сожалению, ограничиваться представлением его в том виде, в каком он мог быть во всеоружии своем, не заботясь о верности в чертах его лица»¹.

Лишь через сто лет после похода появились первые изображения атамана на иконах и картинах. Они составлены по словесным описаниям дружинников. И на всех портретах, а их создавалось множество, Ермак запечатлен человеком крепким, коренастым.

И нет, по-видимому, сомнения в подлинности облика

¹ Цит. по: Колесников А. Д. Ермак. Омск, 1983. С. 56.

Ермака, который мы находим у известного географа, картографа и историка XVII — начала XVIII века С. У. Ремезова в его знаменитой «Истории Сибирской». Еще отец его, Ульян Ремезов, начал собирать сведения о Ермаке. По описанию историка, в основу которого им были положены записанные его отцом слова сподвижников Ермака, атаман был «вельми мужествен, и разумен, и человек, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадоу и власы прикудряв, возраст средней, и плоск и плечист»¹.

Такой человек мог повести за собой, примером своим воодушевить товарищей, добиться их уважения и беспрекословного повиновения.

Так же как нам не известно достоверно происхождение имени Ермак, спорны и противоречивы сведения о годе и месте рождения атамана, о его биографии до сибирского похода. По-видимому, к началу экспедиции в 1582 году было ему примерно 40—45 лет. Почти через четыре десятилетия после его гибели казак Гаврила Ильин вспоминал, что «20 лет полевал с Ермаком в поле». Известно и свидетельство другого казака, ветерана, отдавшего освоению Сибири более 40 лет, «а прежде того он служил... на поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманы». Начинали служить вольные казаки примерно лет с 18—20.

Ермак, с которым казаки «полевали» 20 лет до похода, безусловно, был человеком большого жизненного и военного опыта, у товарищей он пользовался авторитетом.

Дружинники шли в Сибирь за человеком зрелым, много видевшим на своем веку, не чувствовавшим еще бремени лет. Большинство участников похода были очень молоды, некоторые пережили своего предводителя на полстолетия. И нигде в их словах не содержится и намека на то, что их вел за собой человек физически и духовно

¹ Сибирские летописи. Спб., 1907. С. 344.

слабый, поддающийся усталости и унынию, не выносивший тягот труднейшего похода, которые способны были выдержать люди крепкие, закаленные, быстро восстанавливающие силы после короткого отдыха.

На разных картинах, написанных много позднее, Ермак в Сибири изображается по-разному: нередко молодым человеком, средних лет, а иногда даже стариком, в зависимости от фантазии художников.

Атаманство доставалось у казаков тому, кто доказывал право на него годами службы, бесчисленными боями с врагом. Молодому человеку не доверили бы руководить дружиной. А старику была бы не под силу экспедиция, во время которой казаки падали не только от стрел врага, но и от болезней и лишений. Так что «возраст средней», на который указывает историк, скорее всего, соответствует действительности и родился Ермак примерно в 1540 году.

Где родился, опять-таки точных сведений нет. Существует несколько версий о тех местах, откуда родом Ермак.

За право называться его родиной спорили города и села.

Уральцы, например, считали, что «начинался» Ермак на Чусовой, что здесь, во владениях Строгановых, прошли его детские и юношеские годы. Одну из таких легенд использовал в своем сказе «Ермаковы лебеди» П. Бажов, который отстаивал версию об уральском происхождении Ермака. Как один из доводов сторонниками этой версии приводится тот факт, что не случайно Строгановы призвали для защиты своих владений отряд Ермака. В те годы на Волге славились своей удалью десятки атаманов, но именно на Ермаке остановился выбор богатых купцов, потому что прежде служил он им верой и правдой.

Распространено мнение и о том, что Ермак «родом в Двины з Борку». Старинный русский городок Борок

упоминается в исторических документах как родина Ермака. Сейчас это село Игнатьевское, находящееся в Красноборском районе Архангельской области. По течению Двины немало мест, связываемых с Ермаком, с его жизнью в этих краях. Таким легендам уже сотни лет.

Память о покорителе Сибири хранится и в названиях многих других мест, где, по народным преданиям, он бывал. В середине XIX века только в Приуралье и Зауралье более 30 населенных пунктов — сел и деревень, хуторов носили названия Ермаки, Ермаков, Ермаковка.

До сих пор в разных районах, которые народная молва связывает с пребыванием атамана, существуют Ермаков камень и Ермакова пещера, Ермаков родник и Ермакова дорога, Ермакова заводь и Ермакова пустынь. Причем с каждым из таких названий связывается, по народной традиции, какое-нибудь примечательное историческое событие, участниками которого были Ермак или его дружинники.

Земляками атамана называли себя волжские и донские казаки. В начале XX века в Новочеркасске был открыт памятник Ермаку по проекту известного скульптора М. О. Микешина. Народный герой облачен в боевые доспехи. В левой руке у него знамя, которое он с честью пронес по далеким землям, а в правой — корона Сибирской державы. По замыслу скульптора это символизировало дар знаменитого атамана Родине — он преподнес России Сибирь.

Слова на пьедестале говорят о том, что донское казачество считало Ермака выходцем из своих родных мест. «Донскому казаку Ермаку Тимофеевичу, покорителю Сибири, от благородного потомства в память трехсотлетия войска Донского, 1570—1870». Здесь же помещены слова Н. М. Карамзина: «Окончил жизнь в волнах Иртыша 5 августа 1584 года. Россия, история и церковь чтят вечную память». На фасадной стороне пьедестала надпись: «Ермаку донцы. 1904 год».

Был ли действительно Ермак донским казаком? В сибирских летописях его называют и донским, и волжским атаманом. Его имя упоминалось в списках атаманов 1579—1584 годов в краткой летописи донского казачьего войска, которая была приложена к «Донскому календарю» за 1874 год. Но как раз в те годы, которые приводятся, он принимал участие в Ливонской войне и в походе в Сибирь. Так что сведения о Ермаке Тимофеевиче, который во главе отряда в эти годы вместе с русскими войсками совершал вылазки против турок и татар, не могут считаться достоверными. Или существовал в то время другой человек с таким редким именем, или желаемое принимается за действительное, так как подвиг Ермака, по мысли составителей краткой летописи, еще больше утверждал славу донского казачества.

Не случайно именно его пытались выдвинуть на Дону как героя, вышедшего из народной среды. Другие выдающиеся представители донского казачества, казненные самодержавием, царизмом не признавались. В народе имена Степана Разина и Емельяна Пугачева произносились с благоговением, а власти причисляли их к бунтовщикам и разбойникам. Подвиг же Ермака не только пользовался огромной популярностью в народе, но и высоко оценивался самодержавием.

В официальной науке стремились «облагородить» образ Ермака, не допускать его «похуления», защитить от обвинения в «разбое», скрыть факты, будто бы компрометирующие атамана, выставляющие его с неблагоприятной стороны. Еще в середине XVIII века при обсуждении «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, первого крупного научного труда о Ермаке, М. В. Ломоносов призывал о народном герое «писать осторожно и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать»¹. Такое же мнение высказывалось и другими

¹ Суторгин А. Г. Ермак Тимофеевич. Иркутск, 1981. С. 121.

учеными, в частности адъюнктом Академии наук Г. Н. Тейловым: «Понеже Ярмак премного после добра принес России, то какого он прежде состояния не был, должно молчанием закрыть»¹.

Славой и почетом было окружено имя Ермака, и поэтому на протяжении веков оспаривали люди честь называться его земляками.

Одно из преданий пытается объяснить тот факт, что Ермака считают с равным основанием предводителем и волжских, и донских казаков. Родился он «в обширных странах», лежащих между Волгой и Доном. Отцом его был простой казак по имени Тимофей.

Согласно легенде с юности отличался Ермак незаурядной отвагой. Ценили храбреца за дерзкую удаль, за непримиримость к врагу, предсказывали великое будущее. Но стал он жертвой неудавшейся любви. Брат одной из прекрасных казачек, возлюбленной юноши, затеял с ним ссору. Все бы обошлось, и враждующие молодцы в конце концов помирились бы, так как Ермак не хотел поднимать руку на брата своей возлюбленной, но по нелепой случайности тот в пылу схватки напоролся на собственную саблю и получил смертельную рану.

По законам казачества юношу ждало суровое возмездие, и он решил скрыться на Волге. Примкнув к купеческому каравану, следовавшему в Казань, он проявил чудеса доблести при схватке с разбойниками, напавшими на купцов, и приглянулся пиратам. Они уничтожили караван, а Ермака приняли в свою шайку. Впоследствии храбрый казак стал их предводителем.

Конечно, это легенда, не имеющая ничего общего с действительностью, но она типична для народных сказаний о Ермаке, в которых его жизнь расцвечена множеством романтических подробностей.

¹ Сутормин А. Г. Ермак Тимофеевич. С. 121.

И не только народных сказаний. «Разбойничьи подвиги» приписываются ему и в некоторых книгах современных нам авторов.

Литература эта очень обширна. Еще до недавнего времени биографы Ермака некритически ссылались на многочисленные летописные записи о «потомственном воровском атамане», приписывали ему деяния, которые он не совершал.

О «пиратском» прошлом Ермака немало написано и западными историками. По их утверждению, начинал Ермак разбойником у себя на Волге, а кончил тем, что пришел завоевывать и грабить Сибирь, огнем и мечом наводил «порядок» на далеких землях, проводил в жизнь колониальную политику Ивана Грозного.

В своей книге «К востоку от империи» американский историк Р. Пирс сравнивает дружину Ермака с римскими легионерами, испанскими конкистадорами, с североамериканскими колонизаторами, «освобождавшими» землю от индейцев.

Примечательно название одной из глав книги Р. Пирса — «Экспедиция Ермака — русского Кортеса». По мысли западных фальсификаторов истории, пытающихся представить прошлое России как серию завоевательных походов, экспедиция дружины в Сибирь — это якобы проявление исконно русского стремления к насилию, к подавлению свободы других народов.

За шесть десятилетий до похода Ермака солдаты Кортеса в Мексике врываются в ацтекские города и селения, убивали мирных жителей, делили невиданные прежде сокровища. Сотни тысяч людей погибли от рук завоевателей, от голода, болезней, занесенных конкистадорами. Они безжалостно насаждали чуждую ацтекам веру. Всех, кто не желал креститься, ждали виселицы и позорные столбы. Мексиканцы ненавидели завоевателей, пытались бороться с ними, но тщетно.

А Ермака и его дружинников сибирские народы лю-

били, в них видели освободителей, которые помогли сбросить ненавистное татарское иго. Отряд Ермака не сражался с мирными жителями, никаких богатств русские воины, вернувшиеся домой из похода, с собой не принесли. Местные народы охотно принимали русское подданство, которое обещало им защиту от деспотизма сибирского хана. Ничто не мешало им заниматься привычным трудом, вести нормальную жизнь.

Об этом немало говорится в летописях, но те, кто вознамерились исказить историю, сравнивая атамана с Кортесом и Писарро, не хотят замечать очевидных фактов.

Ни в одном из фольклорных сказаний, ни в одном из свидетельств современников Ермака или людей, писавших о нем после его гибели, атаман не изображается как человек жестокий, бесчестный, способный на коварство.

В преданиях и сказах он — герой былинный, олицетворяет народную мечту о добром и бескорыстном человеке, который встает на сторону простых людей, не позволяет притеснять их, защищает бедных от богатых и на свой лад восстанавливает поправную справедливость.

Около четырех веков жили эти легенды о «воровском» прошлом атамана, не подтвержденные никакими достоверными данными. Но всегда огромен был интерес к личности Ермака, а практически почти никаких достоверных сведений о его жизни до похода не сохранилось. А летописи, которые давали разные сведения о молодых годах Ермака, неизменно сходились на одном — он «промышлял» во главе шайки. Причем занятие это было для него чуть ли не семейным, наследственным.

Версия эта широко распространена, она была положена в основу некоторых биографических книг о Ермаке, в том числе и выпущенных совсем недавно.

Вообще о родословной Ермака существует немало версий. Самой достоверной считалась одна из них, вошедшая в Есиповскую летопись, составленную через полвека после гибели атамана тобольским дьяком С. Есипо-

вым. В основу помещенного там описания будто бы положены слова самого героя «сибирского взятца».

«О себе же Ермак известие написал, откуда рождение его». По этому «известию» дед атамана, Афанасий Григорьевич Аленин, был посадским человеком из Суздаля, жил в бедности и, чтобы спастись от голода, подался во Владимир. Промышлял он разбоем, сидел в тюрьме. Оставил после себя двух сыновей — Родиона и Тимофея, которые, как и отец, «от скудности сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы». Здесь сыновья продолжили отцовские традиции, да и детей приохотили к нередкой в то время профессии. Трое сыновей подросли у Тимофея, и самый способный — Василий. Скоро он выделился среди разбойников, и выбрали его атаманом, а прозвали Ермаком — «по вол[ж]ски—жерновой мелнец рушной»¹.

Но многими историками это «известие» подвергается сомнению. Очевидно фольклорное происхождение мифа о казаке — потомственном разбойнике, которому его ремесло перешло от деда и отца. Летопись, создавая обобщенный образ атамана, промышлявшего разбоем, наделяет Ермака довольно типичной для того времени биографией.

И в фольклоре, и в записках русских и иностранных путешественников и ученых можно встретить немало рассказов о лихом атамане, грабившем на Волге персидских купцов, угонявшем лошадей у ногайских мурз, наводившем ужас на мирных купцов. И в сказаниях, и в записках Ермак неизменно выступает как благородный разбойник, добрый человек, бескорыстный поборник справедливости, враг угнетателей и защитник бедняков, отнимавший несправедливо нажитые деньги у богатеев и щедро делившийся награбленным с бедняками.

Уже в XVII веке личность Ермака вызывала интерес не только в России, но и за рубежом. О нем писали ученые, дипломаты, побывавшие в Москве и других городах.

¹ Сибирские летописи. С. 305—306.

Для них он был олицетворением русского героя, чем-то сродни Робин Гуду.

Характерны написанные несколько позднее, в начале XVIII века, заметки англичанина Джона Перри.

«В короткое время стал он весьма славным и сильным, ибо грабил только богатых и, по необыкновенному великодушию людей его ремесла, надеял бедняков. Не умерщвлял он и не ранил ни одного человека, разве защищая только самого себя. Сей поступок приобрел ему такое прославление, что все празднующиеся, не имущие звания люди вступили к нему в сообщество, с охотой подчиняя себя власти столь великодушного и неустрашимого начальника»¹.

Голландец Николай Витсен, в середине XVII века собиравший сведения о покорении Сибири, писал о том, что Ермак приобретал опыт в лихих разбойничьих налетах. Он даже прямо связывал саму экспедицию в Сибирь с разбойничьим прошлым атамана, скрывавшегося от царского гнева.

«Отправился он с шайкой на грабеж на реку Волгу и разбил несколько стругов, принадлежавших царю, и вот на всех местах по этому случаю было отдано приказание преследовать Ермака и изловить его. Но он с преданными товарищами бежал по реке Каме на реку Чусовую. Там жил знатный купец Данила Строганов, который ничего не знал о прежних разбоях Ермака или, может быть, в страхе перед разбойниками дал им все необходимое, чтобы попытать счастья в Сибири»².

Ермак нередко изображался человеком, награбившим несметные сокровища при своих набегах на караваны на Волге и Дону. Приписывали ему и замыслы, которые вряд ли пришли в голову трезвомыслящему атаману то-

¹ Цит. по: З и н е р Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых в XVIII в. Иркутск, 1968. С. 45—46.

² Там же, С. 14.

го времени. В одной из летописей Ермак настолько честолюбив, что посягает даже на персидский трон. И имел он якобы под началом 5 тысяч человек (по другим сведениям — 7 тысяч). Умный и дальновидный политик, Ермак, конечно, не позволил бы себе так благодушествовать, строить воздушные замки. Да и невероятно, чтобы мог он командовать таким огромным войском. По мнению историков, общая численность всех казаков на южных окраинах России не превышала 11—14 тысяч человек¹.

В разбойничьи отряды объединялось не более нескольких десятков, в редких случаях сотен человек. Сама кочевая разбойничья жизнь не давала возможности создавать такие мощные формирования, как это приписывалось Ермаку. В крупные отряды казаки, как правило, объединялись тогда, когда готовились отражать нападения врага на государственные границы.

Легенды о «воровстве» атамана имеют вековые традиции и до сих пор живы. Предания и слухи об отважном и добром разбойнике, удалом молодце, боровшемся на свой лад за справедливость, занимательны, ярки, в них немало примет того времени. И все же эти старые мифы, как показывают последние исследования ученых, не соответствуют действительности. Народная молва приписывала своему герою поступки, которых он не совершал. В фольклорных песнях славилась великодушные борцы за народное счастье, не признававшие власти авторитетов, готовые сражаться со спесивым вельможей, притесняющим честного труженика.

Основанием для таких легенд послужили летописные записи о похождениях разбойников под началом Ермака. Записи эти не подтверждены ни одним достоверным свидетельством. Так, например, широко распространившееся предание о том, что атаману досталась богатая добыча

¹ См.: Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 124.

при нападении на персидских послов, направлявшихся по Волге с Каспия в Москву, оказалось одним из таких мифов. Это нападение действительно имело место, но в 1588 году, то есть через три года после гибели Ермака в Сибири.

Распространению подобных слухов в немалой степени способствовало то, что в дружину Ермака и вправду входили бывшие разбойники, или «воры», как их называли на официальном языке. Таким был и ближайший помощник Ермака в Сибири Иван Кольцо, чей отряд влился в дружину незадолго до похода.

Ермак знал, конечно, о том, что царь Иван IV велел поймать и казнить волжских атаманов Ивана Кольцо, Савву Болдырю, Никиту Пана и казаков из их отряда, напавших на ногайского посла.

Большая Ногайская орда в зависимости от успехов или неудач Ивана Грозного в Ливонской войне признавала свою вассальную зависимость или позволяла ногайским феодалам совершать дерзкие рейды на пограничные русские уезды, разорять их и угонять людей в рабство.

Весной 1581 года в Москве с тревогой встретили весть об очередном готовившемся вторжении. Царский посланник В. Пеллепицын не смог убедить властителя орды князя Уруса в том, что ему по-прежнему выгодно дружба с соседями. Ногайцы спешили воспользоваться поражениями России в ходе Ливонской войны, которые ослабили мощь государства.

Пятнадцать тысяч подданных Уруса вторглись в приграничные русские поселения. Власти обратились к казакам, как это не раз случалось и раньше, чтобы те стали вассалом на пути ногайцев. Волжские казаки откликнулись на этот призыв, и уже скоро князь пожаловался царю на то, что казаки его столицу — Сарайчик «воевали и сожгли». Казаки получили приказ не переходить на территорию орды, а нападать на те ногайские отряды, которые возвращаются с добычей из русских уездов. Ка-

заки не всегда соблюдали этот указ и били кочевников при каждом удобном случае. Урус, напуганный непрестанными поражениями в стычках с «вольными людьми», снова стал искать мира с Россией.

В августе 1581 года он направил посла в Москву. Триста всадников охраняли посла и сопровождавшего его В. Пелепелицына. Вот этот отряд и разгромил Иван Кольцо вместе с товарищами. Нападение на посла и высокопоставленного царского представителя могло повлечь за собой только смертную казнь, ни на какое снисхождение к себе И. Кольцо не мог рассчитывать.

Иван IV и князь Урус пришли к соглашению, что отныне все «воры» должны быть казнены — и русские, и ногайские, чтобы «как наши казаки, так и ваши казаки — меж нами ссоры не чинили». Для острастки царь велел казнить несколько казаков, задержанных по обвинению в «воровстве».

И несмотря на то что волжские казаки выполняли царскую волю, защищая русские уезды от гибели, и что именно набег казаков на Сарайчик заставил князя Уруса искать примирения с Россией, теперь Иван Кольцо был обречен, если бы, конечно, его удалось схватить.

Это была типичная ситуация для XVI века. На протяжении десятков лет казаки, оказывающие государству услуги, нередко объявлялись вне закона. Они становились «ворами», «татьями», «разбойниками», когда это нужно было государству в политической игре с татарами или турками.

Казачья вольница вела жизнь не разгульную, бродячью, как нередко изображалось в литературе, а полную тягот, лишений, почти в постоянных военных походах. «Вольных людей» с детства приучали к жесткой дисциплине. Судьба не баловала казаков, они привыкли и к царской милости, и к царской опале. Эти отчаянные в своей храбрости люди, признававшие власть царя, уже смирились с тем, что хотя и служат родине верой и

правдой, но в тех случаях, когда это диктуется дипломатическими соображениями, как при нападении на Сарайчик, царь пожертвует ими, чтобы не портить отношений с турками, персами, ногайцами.

Такова была реальность того времени, и Ермак, наверное, не раз испытывал на себе превратности судьбы, выпадавшие на долю вольных казаков, то облаканных властью имущими, то гонимых и преследуемых или предоставленных самим себе.

«Диким полем» называли в старину южные степи, где скрывались от поборов и лихоимства знати люди бедные, притесняемые, но не смирившиеся, не желавшие дальше терпеть издевательств бояр и воевод. В низовьях Дона и Волги образовывали добровольные изгнанники поселения, где устанавливали свои законы, подчинялись обычаям вольного братства.

Слово «казак» — тюркское. Оно означает «удалец», «вольный человек». С конца XV века так называли людей, порвавших со своей социальной средой, поселившихся на окраинах государства. И хотя казаки жили далеко от родных мест, они не изменяли традициям предков, оставались верными интересам России и, если ей грозила опасность, защищали южные границы от практически не прекращавшихся набегов турок, татар. И сами казаки совершали дерзкие рейды на стругах, заходили порой даже в Каспийское море, добирались до персидских берегов.

Не всегда им сопутствовала удача, но нередко получали они богатую добычу. Этим храбрецам не была свойственна щепетильность. При случае захватывали не только иностранные, но и царские караваны на Волге и Дону. Не пугало казаков и то, что ждало их суровое возмездие, к опасности они были приучены и смело шли на риск при малейшем шансе на удачу.

Чаще всего правительство снисходительно относилось к «вольным людям», не раз прибегало к их помощи, ис-

пользовало для обороны своих южных рубежей, для несения караульной службы, для упредительных походов на врагов Руси.

Царям необходимы были эти мобильные, хорошо обученные, дерзкие отряды на приграничных территориях, готовые в любой момент стать заслоном на пути кочевых орд.

Бывшие крестьяне и посадские люди объединялись в военные общины, чтобы вести борьбу с кочевниками. Так возникли в конце XV — начале XVI века общины донских, волжских, днепровских, гребенских и яицких казаков. Чуть позже, в 30-е годы XVI века, образовалась Запорожская Сечь. Для защиты от нападения крымских татар, поляков и литовцев здесь строили небольшие деревянные укрепления — городки, или сечи. Отсюда и название этих некогда разрозненных казачьих отрядов, образовавших Запорожскую Сечь.

Казак, ряды которых постоянно пополняли выходцы не только из России, но и с Украины, из Польши, Литвы и других стран, занимались охотой, бортничеством, рыбным промыслом, вели кочевую жизнь. Всякие попытки осесть на земле, заняться хлебопашеством пресекались, ибо считалось, что тем самым ослабляется их «вольный дух», наносится ущерб военной выучке. Такие традиции создавались до Ермака и соблюдались еще долго после него. Война — вот главное занятие казаков, а все остальное объявлялось атаманами вне закона. «Чтобы никто земли не пахал и хлеба не сеял, а если станут пахать, и того бить до смерти и грабить».

Можно только догадываться, какой долгий и нелегкий путь прошел Ермак, сколько он видел несправедливости, прежде чем стал атаманом. Только закаленного в боях, непримиримого к врагу, искушенного в политике человека, обладавшего большим личным мужеством и умением повести за собой людей, избирали казаки пред-

водителем на своем общем сходе, куда выносили все важнейшие дела.

Впрочем, яркие, незаурядные люди не были редкостью в ту эпоху. Каждое поколение рождало новых атаманов. Однако история не сохранила имен большинства из них, а вот Ермак остался в памяти народной навсегда, стал олицетворением доблести и решительности, мудрой предусмотрительности и нестигаемой воли, доброты и суровой приверженности к порядку, верности государственным интересам.

Человек такого масштаба, обладающий выдающимся организаторским и дипломатическим талантом, незаурядный военачальник не мог сформироваться в короткое время. Истоки замечательной личности Ермака в его детстве и юности, в его ратной службе до начала экспедиции.

Мы немало знаем о последнем периоде жизни Ермака, и нам почти ничего доподлинно не известно, каким он был до сибирского похода.

Почему именно ему отдали казаки предпочтение, доверяя атаману свою жизнь и благополучие, — об этом летописи практически умалчивают. Сведения, которые из них можно почерпнуть, скорее относятся к некоему собирательному образу вожака, а не к конкретному человеку.

Ермак, исторический герой, часто заслоняет в летописях живого, конкретного человека со всеми его достоинствами и недостатками. В разных источниках он предстает либо личностью исключительной, наделенной качествами, возвышающими его над остальными людьми, либо он лишь один из многих, первый среди равных. И все подвиги, совершенные дружиной в Сибири, не только заслуга одного предводителя, а дело общее, в котором нет особенно отличившихся. Слава принадлежит не Ермаку, а «Ермаку с товарищи».

Где их обрел Ермак, своих верных соратников? Наверное, в «поле», где он, по словам дружинников, провел два десятилетия до начала похода в далекие, неведомые края. Мы почти ничего не знаем об этой многолетней службе доподлинно. Но бесспорно, что за те годы, когда он «полевал», Ермак участвовал во множестве сражений, защищал южные рубежи от набегов крымских татар, ногайцев еще до того, как оказался на фронте Ливонской войны.

Историками не подвергается сомнению письмо коменданта Могилева, посланное Стефану Баторию. Но это не единственный документ, относящийся к началу 80-х годов XVI века, в котором говорится о Ермаке.

Сохранилась жалоба ногайского мурзы Урмагмета, направленная в Москву в июле 1581 года. В ней говорится, что «наперед сего Ермак отогнал с Волги шестьдесят лошадей моих, а летось отогнали с Волги тысячу лошадей».

Получается, что один из документов неверен, письма противоречат друг другу, не мог быть Ермак одновременно и под Могилевом, и на Волге.

Однако слова «наперед сего» не позволяют сказать определенно, когда же точно у мурзы были захвачены лошади, непосредственно перед отправкой письма или задолго до этого. Да и имя Ермака без отчества не дает оснований утверждать, что речь идет о Ермаке Тимофеевиче, а не о другом человеке по имени Ермак.

Вероятнее всего, Урмагмет имел в виду будущего героя Сибири, а набег на кочевья мурзы, как полагают исследователи биографии атамана, был совершен до весны 1581 года, когда он отправился под Могилев.

Для казаков, служивших на южных границах, было привычным занятием нести караульную службу, предпринимать время от времени налеты на ногайские отряды, забирать лошадей и тем самым лишать врагов возможности внезапно нападать на русские поселения.

Иван IV часто использовал казаков в той войне на два фронта, которую вел много лет. Вольные казаки не раз отличались в Крымской, Казанской, Астраханской кампаниях, наносили упредительные удары против татарских улусов на юге. А на севере в годы Ливонской войны отряды волжских и донских казаков привлекались к службе в местах, расположенных далеко от их дома, — на литовских рубежах, прибалтийских землях.

По-видимому, они участвовали практически во всех крупных сражениях, которые вели войска царя, защищали Москву от нашествия Крымской орды в 1572 году.

Время правления Ивана Грозного — это годы почти непрерывных войн, когда одна битва следовала за другой, победы сменялись поражениями.

Отовсюду русской земле угрожала опасность. Польша, Литва, Ливония, Швеция, с которыми воевала Россия на западе, имели хорошо обученные, вооруженные всем самым современным для того времени войска. Грозную силу представляли на востоке и юге ханства, обломки бывшей Золотой Орды.

Они потеряли былое могущество, но не переставали надеяться, что им удастся восстановить прежнее влияние, вынашивали планы покорения русских земель.

С каждым годом положение осложнялось. На западе шли бои за выход на Балтику, южные границы государства находились под постоянной угрозой набегов кочевников. А на востоке, где прежде было относительно спокойно, появился новый опасный сосед — сибирский хан Кучум, настроенный в отличие от своих предшественников несравненно более агрессивно. Он пользовался любой возможностью, чтобы наносить из-за Урала молниеносные удары по русской территории.

Для царя и его окружения было очевидно, что миром с Кучумом не договориться, что рано или поздно придется вступать в войну с ним. И хотя эта перспектива казалась еще далекой и царь всячески избегал пря-

мого конфликта с сибирским ханом, тем не менее Иван IV уже с тревогой думал о том, что войну, быть может, придется вести на три фронта — на западе, юге и востоке.

В этих условиях каждый воин был на счету. Иван Грозный высоко ценил казаков, прирожденных ратных людей. Он не жалел на них «государева жалованья» за помощь, которую от них получал. А если и подвергал опале, то такова была необходимость, считал царь. Трезвый политик, он в зависимости от конкретной ситуации миловал или казнил людей, оказавших ему услуги. За один и тот же поступок можно было получить щедрую награду или пойти на плаху, смотря что подскажет царю обстановка, текущий момент.

КазакИ уже давно смирились с тем, что там, где вступают в действие законы дипломатии, неразумно надеяться на справедливость царя, что он безжалостно расправляется с отдельными людьми во имя, как ему представляется, высших государственных интересов.

И тем не менее царь знал, что всегда может заручиться помощью вольных казаков. Правда, в отличие от служилых казаков они не обязаны были нести военную службу, не подчинялись назначенным Разрядным приказом в Москве предводителям, а сами выбирали атаманов. И когда это было нужно в интересах государства, вольные казаки дружно сражались рядом со служилыми. И Ермак, конечно, часто участвовал в военных действиях, хотя служба его и считалась временной. Почти вся жизнь казаков в то время проходила в седле, в походах, постоянная опасность погибнуть, попасть в плен, в тяжелую неволю была неотделима от их повседневного существования. В битвах с врагом выковывался характер казаков. И в этих сражениях атаман приобретал тот неопенимый опыт, который пригодился его дружине во время сибирского похода.

При Иване IV военное дело на Руси достигло высо-

кого уровня развития. Славу русскому оружию принесли завоевание Казанского и Астраханского ханств, победы в Ливонии в первые годы войны.

Почти непрерывные сражения, которые вел царь, способствовали совершенствованию системы организации русской армии, шлифовали военное искусство, стимулировали создание современного оружия, которое вводилось в оснащение армии.

При Иване Грозном отлили первые отечественные пушки, впервые была применена полковая артиллерия.

Осаждая неприятельские города, русские саперы искусно устраивали подкопы под крепостные стены, куда закладывали порох, точно учитывая величину зарядов. Самый примечательный образец саперного мастерства был продемонстрирован при взятии Казани в 1552 году. «Минное дело» всячески поощрялось царем¹.

До Ивана IV в русском государстве не было постоянной армии и войска набирались при необходимости. Долгое время действовало правило, согласно которому от каждых 50 десятин земли на службу призывался один воин «на коне в доспехе в полном, а в дальний поход о дву конях».

При реорганизации армии, проведенной царем, была создана постоянная русская пехота. Стрелецкие полки, вооруженные пищалями, стали первыми отрядами постоянного московского войска, а затем они появились и в других городах. В военное время стрельцы участвовали в боях, а в мирное несли гарнизонную службу, сопровождали русские и иностранные посольства, исполняли поручения царя.

Эти служилые люди пользовались немалыми привилегиями, получали щедрое довольствие, освобождались от уплаты налогов, снабжались хлебом, наделялись участком земли с домом и огородом.

¹ См.: Честь и слава пехоты. М., 1986. С. 44.

На вооружении у стрельцов кроме пищалей находились бердыши, сабли, топоры на длинном древке.

Ермаку во время Ливонской войны, наверное, не раз приходилось встречаться со стрельцами. И очевидно, он был знаком с теми приемами, которые применяли в сражениях эти опытные ратные люди.

Одним из передовых достижений военной мысли в то время стало линейное построение пехоты, позволявшее умело применять ружейный огонь. Пехота располагалась в центре боевого порядка и строилась не в колонны, а в ряды по четыре — шесть шеренг. При сражении с конницей обычно воины из первых двух шеренг опускались на колени, а стреляли стоявшие за ними в третьей и четвертой шеренгах, затем те в свою очередь опускались, чтобы могли произвести залп пехотинцы, находившиеся в последних двух рядах. А воины из первых двух шеренг встречали конницу выстрелами в упор.

Хотя такое построение и представляло определенное неудобство и ограничивало возможность маневрирования пехотой, однако в то время линейная тактика сыграла большую роль, позволяя использовать преимущества огнестрельного оружия.

Стрельцы, как правило, умело обращались с пищалями. Один из стрелецких отрядов позже был послан на подмогу Ермаку в Сибирь, но, как показали дальнейшие события, воины, обученные вести бой в обычных условиях, стойкие в схватках с врагом, к непривычной для них обстановке, к трудностям сибирской зимы оказались неподготовленными.

Пригодились Ермаку и те навыки, которые он приобрел при штурме крепости во время Ливонской войны. Эта крепость под Могилевом была, по-видимому, не единственной, в осаде которой он участвовал. Овладел он, наверное, и методами обороны крепостей, тоже пригодившимися дружине в Сибири.

Иван Грозный придавал большое значение крепостям, которые способны были выдерживать длительную осаду. Свыше 150 городов-крепостей, построенных при царе, стали частями единой защитной системы, повысили обороноспособность русских приграничных территорий. Гарнизоны этих крепостей обеспечивались современным вооружением.

Войска в то время располагались в крепостях, городках, находящихся вблизи границ. Отряды, которым удавалось овладеть крепостью, брали под контроль и прилегающие территории.

Несомненно был знаком Ермак с тактикой ведения боя в засечных линиях. Это знание затем сослужило ему службу в Сибири. Такие сторожевые линии нередко применяли татары, готовясь к встрече дружины Ермака.

Заградительные линии из «засеченного» и поваленного леса представляли собой естественное препятствие, преодолеть которое было непросто. При валке леса деревья срубали не целиком, а «засекали» примерно на половину толщины. Одна половина ствола опускалась к земле, а другая оставалась стоять. Поваленные таким способом деревья переплетались ветвями, связывались бечевой, и создавался труднопроходимый частокол. Перед засечными линиями вырывались рвы, сооружались валы. Требовалось немало времени, чтобы пробиться через стволы и ветви, волчьи ямы. Здесь на каждом шагу могла ожидать засада.

Опыт боев в засечных линиях Ермак, вероятно, приобрел, когда еще «полевал». Их строительство началось на Руси в XIV веке, но при Иване IV получило небывалый размах. Они служили для защиты южных и юго-восточных границ государства от набегов кочевников. Более чем на тысячу километров протянулась сторожевая линия от Путивля до Алатыря. Царь превратил засечные линии в сложную оборонительную систему. Он организовал «засечную стражу», которая согласно уставу обя-

звалась защищать границы, чтобы «воинские люди на, государевы украины безвестно не приходили».

И казаки в степях устраивали засеки. Для этого специально доставлялись из лесных районов волоком или сплавом стволы деревьев.

Два десятилетия постигал Ермак ратную науку. Неизвестны подробности его боевой биографии до перехода через Урал, но, несомненно, он хорошо осознал значение военной выучки, дисциплины, высокого морального духа в победе над врагом, овладел передовой для того времени стратегией и тактикой, о которых позже в одном из уставов писали, что они «опричь богословия, паче и прывыше всех иных мудростей».

Военное искусство Ермака принесло ему блистательные победы в Сибири. Но, разумеется, и раньше он отличался в боях, не случайно ведь именно на его отряд пал выбор, когда Строгановы искали людей для защиты своих владений. Скудны и противоречивы исторические сведения о тех событиях, которые предшествовали появлению Ермака у Строгановых, о начале похода, да и о самой экспедиции.

Летописи, где правда переплетается с вымыслом, где народная молва граничит с легендой, нельзя считать документальными источниками. А ведь они да несколько царских грамот и других немногих достоверных документов того времени и послужили основой для обширнейшей литературы о первых, самых трудных шагах храбрецов, бросивших вызов неизвестности. Они отправлялись навстречу опасности за Каменный пояс, в места, хотя и освоенные частично ранее отдельными смельчаками, но до сих пор вселявшие благоговейный ужас в людей, привыкших к оседлой жизни, смирившихся с постоянным страхом.

Летописи хорошо передают ту атмосферу, в которой жило население Прикамья. Люди, занимавшиеся мирным трудом, рубившие лес или варившие соль, ловив-

шие рыбу или пахавшие землю, не осмеливались выходить из дому без оружия и каждую минуту ожидали нападения с востока. Не ведали утром, останутся ли сегодня в живых, удастся ли им вечером вновь вернуться под родную крышу, не спалят ли их дом невесть откуда появившиеся всадники с кривыми саблями и островерхими шапками.

Герои, не побоявшиеся бросить вызов грозной силе, скрывавшейся за Уралом, за Каменным поясом, с самого начала были окружены восхищением. И чем дальше, тем более щедрой становилась народная молва, нашедшая отражение в летописях, сказах, песнях.

Самое раннее «написание» отделяет от похода почти четыре десятилетия, другие появились еще позже, и трудно различить истину и вымысел в тех летописях, где слиты воедино история и фольклор, события, имевшие место в действительности, и фантастические домыслы, наделявшие реальных людей сказочной силой, умом, находчивостью.

Эта противоречивость устных и письменных источников о походе стала во многом причиной тех различных точек зрения, которые высказывались в литературе об экспедиции, о личности атамана.

О жизни Ермака до перехода через Каменный пояс, об организаторах похода, о том, как он проходил, как погиб вожак, — обо всем этом существуют различные гипотезы. Авторы каждой из них ссылаются обычно на летописи, которые дают богатый материал, часто не подтверждаемый историческими документами.

Почти четыре десятилетия отделяли гибель Ермака от первых сведений, которые были записаны о нем оставшимися в живых участниками экспедиции. Тобольские ветераны сочли своим долгом откликнуться на призыв архиепископа Киприана и «принесоша к нему написание, како приидоша в Сибирь и где у них с погаными бои были».

Сорок лет без малого — большой срок, и многие события, произошедшие во время похода, имена его участников и обстоятельства их гибели, даты забылись или преподносились в различных воспоминаниях по-разному.

Эти рассказы очевидцев, из которых исходили авторы летописей — известные нам и неизвестные (дьяк Савва Есипов, сын боярский Семен Ульянович Ремезов и другие), затем обросли новыми подробностями, многократно дополнялись, редактировались, переписывались.

За давностью лет истину определить нелегко, порой и невозможно. Исследователи справедливо считают, что поход Ермака — это одно из самых сложных и запутанных событий в истории Сибири.

Отсюда и множество гипотез, и у каждой — свои приверженцы, в зависимости от того, какая летопись или документы признаются наиболее достоверными.

Самые противоречивые мнения высказываются о начале экспедиции и о том, кто стоял у ее истоков.

Итак, бесспорно, что Ермак еще в июне 1581 года находился с отрядом под Могилевом. Как он оказался во владениях Строгановых, когда отправился отсюда в край далекий и неведомый — об этом до сих пор спорят историки. Наиболее вероятной представляется гипотеза, согласно которой отряд Ермака был переведен для укрепления восточной границы в вотчины Строгановых по приказу царя, а там уже самостоятельно принял решение нанести уредительный удар по Сибирскому ханству.

Ермак со своим отрядом остался не у дел после перемирия, заключенного с Речью Посполитой в январе 1582 года.

После этого Иван IV бросил войска на шведов, но скоро прекратил военные действия. Он принял ультиматум Стефана Батория, который не желал, чтобы подвергались опасности его союзники — шведы. Впервые на западных границах страны после долгих лет войны не лилась кровь.

Отряды казаков были распущены, они вернулись к себе на Волгу. Сюда же прибыл и Иван Кольцо со своими людьми, объявленный государственным преступником за нападение на царского посланника В. Целепелицына.

А в это время в Приуралье сложилась крайне опасная обстановка. Одно за другим на русские поселения следовали нападения «сибирских людей», после которых оставалась разоренная, выжженная земля.

Правительство Ивана IV принимало все меры, чтобы обеспечить оборону восточных рубежей.

Отряды, находящиеся на этих приграничных территориях, сражались с врагом мужественно, но не всегда успешно, и возникла необходимость укрепить эти важные для Руси рубежи, чтобы дать отпор набегам кочевников. Выбор пал на Ермака и его отряд, уже отличившийся в ходе Ливонской войны.

Скорее всего, по «подсказке» или прямому поручению правительства и прибыл в заволжские степи посланец от Строгановых с предложением поступить на службу к купцам, славившимся своим могуществом. И хотя они ни перед чем не останавливались для утверждения своих интересов, вряд ли богатые купцы, боявшиеся лишиться благосклонности царя и часто обращавшиеся к нему за поддержкой, могли сами осмелиться без соизволения самодержца на такой шаг, как наем на службу крупного отряда, часть которого состояла из «воров», которых ждала виселица или плаха. Ведь Иван Кольцо, понимая грозящую ему опасность и желая заслужить милость царя, присоединился к Ермаку, чтобы вместе с ним защищать владения Строгановых.

На казачьем кругу обсуждался вопрос — идти или не идти к купцам «в вотчины их в Чюсовские городки и в острожки на поможание» им.

В летописи очень красочно передана атмосфера, в которой проходил этот большой совет казаков, решавший

важнейший для них вопрос — как жить дальше? Идти навстречу опасностям, которые ожидали их на новой службе, или уклониться от них?

«И собрався на устье матки Самары реки на крутом на красном на берегу на желтом на сыпучем на песочку, не ратная труба протрубила, говорил атаман Ермак Тимофеевич: «О, есте, братцы атаманы и казаки донские, яицкие, волские и терские, думайте думу, братцы, с цела ума, чтоб на не продуматца: на Волге нам жить — ворами слыть, а на Дону нам жить — казаками слыть, а на Яик итти—переход велик, а се добычи нет... И мы толко ныне не поидем таким честным людям на помогание, и они на нас станут писать к Москве непослушание государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа России: и государь на нас раскручинитца, велит нас перемать и по городам разослать и по темницам роспажать, а меня, Ермака, велит государь царь повесить: потому что большому человеку большая и честь бывает. А толко мы государю царю вину принесем, а таких честных людей послушаем и к ним на спомогание поидем, и они об нас станут писать милостивыя и благоприятныя словеса к государю... и государь царь до нас умилитца и отдаст нам пеню великую вину»¹.

Эти слова атамана «полюбилися» казакам. Все они высказались за то, чтобы принять предложение купцов, идти к ним на службу. В Строгановской летописи говорится, что уже тогда решили казаки отправиться в дальние края, заслужить славу себе вечную. Но, думается, вряд ли на этом казачьем кругу шла речь о предстоящем «взятии» Сибири. Скорее всего, это поздние домыслы составителей летописи. Хотя, может, и зрела у атамана мысль о том, что, только ожидая нападения врага и обороняясь, победы не достигнешь, а добьешься ее лишь тогда, когда сам возьмешь инициативу в руки, будешь

¹ Сибирские летописи. С. 56.

диктовать неприятелю свои условия и, вторгнувшись на его территорию, опередишь его наступление, нанеся сокрушительный и гибельный для него удар.

Чем привлекло казаков предложение Строгановых? Трудно ответить однозначно на этот вопрос. Богатые купцы обещали кроме прощения былых «грехов» и определенное довольствие. Ведь казаки получали жалованье только во время войны, а сейчас, когда наступило затишье, они лишились средств к существованию.

Но не это, разумеется, было главной причиной, побудившей Ермака выступить на оборону пермских вотчин Строгановых от кочевников. Та угроза, которую представляли для простого народа их набеги, спланивала защитников русской земли, пробуждала в них патриотические чувства, звала их честно выполнять долг перед Отчиной.

С самого начала, приняв решение на казачьем кругу отправиться к купцам, Ермак ощущал себя не наемником, а человеком, выполняющим важную миссию, воином, которому предстояло защищать на восточных рубежах интересы государства, интересы народа и, значит, свои собственные, а не только купцов Строгановых, владельцев необъятных земель.

На казачьем кругу были выбраны предводители отряда. Ближайшими помощниками Ермака стали Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк.

На легких стругах поднялись по Каме до Чусовских городков. Летопись сообщает, что встретили купцы казаков гостеприимно, устроили пир изобильный, не скупилась на угощения. Впрочем, хитрые купцы не остались в накладе, наверное, им досталось немало дорогих изделий, оставшихся у Ивана Кольцо и его людей после «воровских» подвигов.

Так попал Ермак во владения Строгановых, пользовавшихся особым покровительством царя.

«КАК ... ДОИТТИ ДО СИБИРСКОЙ ЗЕМЛИ»

Стремительно росло в то время богатство торгового дома Строгановых. Быстро крепло при Иване Грозном экономическое могущество этой семьи, которая отныне и на протяжении нескольких веков давала России предприимчивых купцов и промышленников, крупных землевладельцев, видных политических деятелей, щедрых меценатов.

Значительно позже Строгановы способствовали распространению легенды о том, что якобы род их старинен и аристократичен, что знатным предком их был татарский мурза Золотой Орды, крестившийся, обласканный милостью царя и посланный им против татар. Будто бы бывшие его сородичи захватили мурзу в плен, жестоко пытали и «сострогали» с него тело. Существовал и другой вариант легенды, согласно которому происходили Строгановы, от новгородских бояр и родоначальник их — Спиридон был человеком, близким к Дмитрию Донскому.

На самом деле Строгановы — выходцы из разбогатевших поморских крестьян.

Во второй половине XV века на правом берегу Вычегды в поселке Усольск обосновался Федор Лукич Строганов. Место для будущего родового гнезда выбрал он удачно, правильно оценив, какие выгоды может принести добыча соли.

Усольск, переименованный затем в Сольвычегодск, находился у Соляного озера, на торговом пути с сибирскими народами.

История бурного расцвета дома Строгановых начинается с 1515 года, когда 18-летний сын Федора Лукича Аника (Аникей) открыл первый в Соли Вычегодской солеваренный промысел. Дело он замыслил масштабное и действовал сноровисто, хватко, скупал соляные варницы, хитростью или «насильством» забирал соседние промысловые участки, нещадно эксплуатировал крепостных и наемных людей.

Пользуясь поддержкой правительства, заинтересованного в развитии солеварения, Аника Строганов энергично расширял производство, получил от Ивана Грозного разрешение «варницы ставить и соль варити» на Каме и в Пермском крае, где и одарил его царь за верную службу вотчинами, взятыми в опричнину. Все это давало Строгановым возможность на льготных условиях заниматься не только солеварением, но и рудным, охотничьим, рыбным промыслами, торговать хлебом, пушниной, заморскими товарами, осваивать новые пути, искать контакты с сибирскими народами, выменивать за безделицу ценнейшие меха.

Хитро и жестко, используя пряник и кнут, правил своими вотчинами Аника Строганов, называвший себя в письмах к Ивану IV «сиротой Государевым». Строя города и крепости, захватывая все новые и новые земли, заселяя их деловыми и дворовыми людьми, вытесняя коренных жителей или же нещадно эксплуатируя их, Аника умел и подольстить, если это было необходимо. В отличие от других купцов, действовавших по разбойничьему принципу «подавить и отобрать», он проявлял «ласку» в торговле, старался создать видимость объективности и доброжелательности, справедливого, выгодного всем обмена, в котором одинаково заинтересованы и он, и жители Урала, Печоры, Сибири, ведущие с ним торг.

Аника усердно служил царю, и его высоко ценили при дворе как энергичного поставщика разнообразных товаров, банкира, никогда не отказывавшего Ивану IV в кредите, а при необходимости и в боевых отрядах для обороны границ. Строганов пользовался полной поддержкой не только светской власти. Ревностный поборник веры, он отпускал немалые деньги на строительство церквей и монастырей, продвигал «слово божие» на земли языческие. Незадолго до смерти он постригся в монахи и кончил жизнь свою 73 лет от роду схимником.

Этот непреклонный в своих желаниях человек в быту отличался скромностью, обладая огромным состоянием, был бережлив, донашивал кафтаны своих предков. Однако на рукописные и печатные книги, стоявшие очень дорого, денег не жалел, имел богатейшую по тому времени библиотеку примерно в 500 книг и даже в поездки брал с собой походную библиотечку из книг церковного и светского содержания.

Неверно было бы считать, что единственным стимулом для Аники Строганова была страсть к наживе. Нет, этот незаурядный и противоречивый человек был одержим жаждой деятельности. Он деспотично правил своими владениями, но и себя не щадил, работал много и охотно, наверное впервые в истории России организовав невиданное по масштабам «дело».

Из трех сыновей Аники Строганова, разделивших его сольвычегодские и пермские владения, двое, Яков и Григорий, скоро умерли, и все вотчины унаследовали Семен Аникиевич и два его племянника — Максим Яковлевич и Никита Григорьевич.

Первому из них в год, когда начался поход Ермака, было 25 лет, второму — 20. Через четверть века после экспедиции в Сибирь вместе с другими Строгановыми им было пожаловано звание «именитых людей». Это давало им множество привилегий, в том числе право быть неподсудными местной администрации, а подлежать только

царскому суду, строить города, содержать ратных людей, дать пушки, платить пошлину за провоз товаров строго по уставным грамотам.

Единственные в России носили в то время Строгановы это звание, и дарено оно им было официально за помощь правительству в начале XVII века при иностранной интервенции. Но в глазах многих Строгановы оставались прежде всего организаторами похода Ермака, им приписывалась слава людей, стоявших у истоков завоевания Сибири.

Потомки Строгановых были заинтересованы в распространении сведений о том, что покорение Сибири — заслуга их семейства, их «промысел и радение», что это их дальновидные, заботящиеся о славе России предки снабдили дружину Ермака всем необходимым, дали атаману «предобрых воинов триста человек», отправили с ним и проводников, без которых затерялись бы казаки в бескрайних сибирских просторах, где правил жестокий и беспощадный Кучум, сибирский хан.

После Куликовской битвы в 1380 году, когда московский князь Дмитрий Донской разгромил войска хана Мама, началось освобождение русского и других народов от монголо-татарского ига. Однако Золотая Орда просуществовала еще больше столетия, прежде чем образовалось несколько самостоятельных ханств — Крымское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Большая Ногайская орда.

В Сибири первые монгольские отряды появились еще в XIII веке. Многие местные племена вошли в состав Золотой Орды, одним из осколков которой и стало Сибирское ханство. Основателем династии, правившей затем долгое время ханством, стал в XV веке Хаджи Мухаммед, потомок Шейбани, брата хана Батыея.

Из всех ханств, отколовшихся от Золотой Орды, десятилетиями продолжались набеги на Русь. Два ханства — Казанское и Астраханское — Иван Грозный покорил в

50-х годах XVI века, а третье — Сибирское — оставалось постоянной угрозой для приуральских земель.

Строгановы, которым эти земли были отданы на откуп, возводили здесь военные укрепления, крепости, строили деревеньки и поселки.

Правда, жадные до богатства купцы и риску подвергались немалому. Колоссальные убытки приносили им постоянные набеги сибирских татар, которые за время существования ханства фактически ассимилировали своих монгольских завоевателей. Строгановым до поры до времени приходилось терпеть эти набеги. Сил для отпора не хватало. Впрочем, купцы времени не теряли, медленно, планомерно укрепляли свои владения.

В 1558 году Иван IV пожаловал сыну Аники Григорию земли по реке Каме и на 20 лет освободил Строгановых от платежей, пошлин, позволил им возводить военные городки. У себя в вотчинах Строгановы признавались полновластными хозяевами, пермские наместники не имели над ними власти.

В том же, 1558 году, сразу же после того как они удостоились царской милости, Строгановы основали первый городок на Каме — Канкор. Вслед за ним через несколько лет появился на Каме и городок Каргедан (Орел-городок).

Быстро расширялись границы их владений. Десять лет спустя после первой жалованной грамоты царя купцы получили вторую. На этот раз Якову, второму сыну Аники, дозволялось владеть землями и соляным промыслом по реке Чусовой.

За короткий срок семейство получило от царя по этим двум грамотам более 7,5 миллиона десятин земли, на которых Строгановы являлись практически неограниченными властителями, имели право строить города и крепости, нанимать людей для отражения набегов кочевых орд.

Строгановы широко пользовались правом, данным им

царем. Так, с 1574 по 1579 год количество городков в пермских вотчинах возросло с одного до четырех, значительно больше стало и действующих варниц.

Для Ивана Грозного городки и поселения, которые строили купцы, были своеобразным валом на пути воинственных восточных племен, представлявших всевозрастающую угрозу для русских земель. Защищая свои владения, Строгановы в то же время согласно повелению Ивана IV пользовались малейшей благоприятной возможностью для того, чтобы расширить сферу влияния царя, продвинуть на север и восток границы государства.

В 1572 году после нападения кочевников на русские поселения на Каме Иван Грозный разрешил купцам направлять ратных людей на кочевые племена, представлявшие опасность, а тех хантов и манси, которые изъявляют покорность и готовы служить Руси, зачислять в свои отряды.

Русское правительство стремилось извлечь выгоды из той междоусобной войны, которая подтачивала силы народностей и племен, населявших Сибирскую землю, вызывала у них недовольство, желание избавиться от татарского гнета и обрести могущественного союзника в лице русского царя. Покровительство столь сильного соседа, как Россия, обеспечило бы мирную жизнь сибирским народам, прекратило распри.

В середине XVI века в Сибирском ханстве шла борьба между династией Шейбанидов и потомками местного татарского княжеского рода Тайбугинов. Хан из рода Тайбуги Едигер, придя к власти, с трудом отражал набеги южных кочевников. Набеги отрядов ногайских, узбекских, казахских кочевников, которые возглавлял шейбанид Кучум, сын бухарского правителя Муртазы, ослабляли и без того непрочное положение Едигера. Кара халк, или «черные люди», как их называли, — ханты, манси, зауральские башкиры, другие народности

Сибири, платившие дань хану, поставлявшие ему воинов, нередко поднимались на борьбу против притеснителей. Едигер срочно начал искать союзника.

В 1555 году он отправил послов к Ивану Грозному, чтобы поздравить его с покорением Казанского и Астраханского ханств, и просил его взять Сибирское ханство под защиту. За покровительство пообещал платить по соболу и белке «со всякого черного человека». Выяснилось, что таких данников в ханстве более 30 тысяч. Тридцать тысяч соболей в год — это огромное богатство. Да к тому же при дворе хорошо понимали, какие перспективы сулил выход к сокровищам далекой земли, о которой немало были наслышаны в Москве.

Иван IV, именовавший себя отныне «князь Кондинский и Обдорский и всеа Сибирския земли повелитель», направил в столицу ханства — Кашлык посланника, чтобы тот «черных людей» переписал и взял дань.

Однако Едигер еще колебался, не мог решить окончательно, стоит ли ему закабалить себя вассальной зависимостью, старался выиграть время, выжидал, надеясь, что в его борьбе с Кучумом успех склонится на его сторону и тогда надобность в столь обременительном покровительстве отпадет.

И вместо обещанных 30 тысяч соболей отправил с послом своим Баяндой 700 шкурок. Баянда пытался сослаться на то, что при очередном вторжении в ханство, Кучум «людей поймал многих». Но Иван Грозный не поверил такому объяснению и, разгневавшись, отдал приказ заключить Баянду в тюрьму.

Едигер, узнав об этом и опасаясь немилости русского царя, счел благоразумным хотя бы частично выполнить обязательство. Он послал в Москву тысячу соболей да дорожную пошлину в сто соболей и присяжную грамоту, в которой признавал свою вассальную зависимость.

Тысяча соболей — таковы были отныне новые условия, на которых договорились русский царь и сибирский

хан. Иван Грозный проявлял реализм в восточной политике. Свои угрозы в адрес Едигера он все равно не мог подкрепить силой — далека Сибирь. И армии царю недоставало на все войны, которые он вел.

А Кучум не прекращал попыток свергнуть Едигера. В 1563 году это ему удалось. Убив Едигера, его брата Бекбулата, он стал сибирским ханом. Снова воцарились в Кашлыке Шейбаниды.

Но поначалу Кучум чувствовал себя неуверенно. Племянник Едигера, сын Бекбулата Сейдяк спасся во время набега, кончившегося гибелью его близких. Он скрылся где-то в степях, и у Кучума не было сомнения, что он будет мстить за отца и дядю, попытается захватить власть.

Да и некоторые мурзы, непокорные местные феодалы не желали подчиняться новому правителю, поднялись против него с оружием в руках. Опираясь на отряды, пришедшие с ним из Средней Азии, на ногайцев, с князьями которых у Кучума были родственные отношения, новый хан жестоко подавлял недовольство, усиливал угнетение местных народов, насаждал мусульманство.

Кучум всецело был обязан могущественному бухарскому хану Абдулле, который помог ему завладеть Сибирским ханством. По повелению Абдуллы Кучум насильственно распространял ислам и надеялся, что мусульманская религия сплотит разрозненные народы Сибири в единое государство, силы которого хан предполагал направить против «неверных», прежде всего против русских соседей.

Владения Кучума занимали огромную территорию в бассейнах рек Тавды, Туры, Тобола и Иртыша. На севере ханство граничило с рекой Тавдой, на юге — с ишимскими степями, на западе простиралось до Уральских гор, а на востоке — до Барабинской степи. Точно определить масштабы своих владений Кучум и сам бы не

сумел — настолько они были велики. В необозримых просторах Сибири терялись условные границы его царства, ибо очень непрочна была власть хана.

На Руси о землях этих знали издавна. В «Повести временных лет» приводится рассказ новгородца Гюраты Роговича, из которого видно, что уже в XI веке совершали жители древнего города походы за Урал. Посланцы Новгорода торговали с югорскими племенами, проникали по Печоре в низовья Оби и на реку Таз. Югрой назывались земли на Северном Урале между Печорой и Уральским хребтом.

В XIII веке среди северных волостей новгородцев числились Пермь, Печора и Югра.

Те экономические связи, которые установились у новгородцев с народами Западной Сибири, продолжили московские воеводы. К 1483 году относится первый исторически доказанный переход через Средний Урал. Московские воеводы князь Федор Курбский — Черный и Иван Иванович Салтык — Травин вступили в бой с отрядом вогулов, одержали победу и в Сибирской земле «добра и полону взяли много. А от Сибири шли по Иртышу... вниз, воюючи, да на Обь реку велику в Югорскую землю, и князей югорских воевали и в полон вели».

К этому времени название «Сибирь» было уже хорошо знакомо русским. О происхождении и значении этого слова единого мнения нет. Некоторые ученые считают это слово по происхождению монгольским — от «шевер» («шавар») — «болота». Первоначально это название означало лесостепь и лесные районы, куда не удалось проникнуть Чингисхану из-за болот и таежного гнуса.

Другие считают это слово татарским — от существительного «бир» — «первый», «главный». Сохранились предания татар и хантов о народе «сывыр», или «сыбыр», занимавшем когда-то места по Среднему Иртышу.

Термин «Сибирь» связывают и с названием одной из этнических угорских групп, населявшей территорию лесостепной полосы Западной Сибири.

Начиная с XIII века в письменных источниках Сибирью именуется не только народность, но и местность, где она обитала.

Русские первопроходцы ко времени царствования Ивана Грозного исследовали значительные территории Сибири. В документах той эпохи так называлась вместе с землей за Уралом и столица ханства — Кашлык.

Этот укрепленный городок был одним из многих, которые строили татары по берегам рек. Подступы к столице прикрывали укрепления, служившие военно-административными центрами ханства, — Сузгун-Тура, Бицик-Тура, городок на Чувашевом мысу, Абалак, городки мурз Аттика, Алышая и другие. Обнесенные земляными валами, имевшие деревянные укрепления, эти городки и улусы (области) поставляли хану воинов, платили ему ясак (дань). Даругам — сборщикам дани приходилось нелегко. Хотя они и наживались на грабительских походах, но их работа была связана с постоянной опасностью и немало даруг настигала стрела, пущенная из укрытия. Редкое поселение, разбросанное по берегам рек и озер, неохотно подчинялось власти сибирского хана, его приспешников, соперничавших со своим повелителем в жадности и коварстве.

Кучум управлял улусами через своих ясаулов, визирия (карача) и советников. Владельцы улусов — беки и мурзы не только посылали в ханскую армию своих подданных, но и участвовали вместе с ханом во главе своих отрядов в его боевых операциях, старались исправно отправлять дань со своих «черных людей». За это после успешных походов беки и мурзы получали часть военной добычи. В своих улусах эти местные царьки обладали властью практически неограниченной, казнили и миловали по своему желанию, и хан, если они акку-

ратно выполняли вассальные обязанности, в их дела не вмешивался.

Кроме татар среди подданных Кучума самыми многочисленными были угрозычные племена хантов и манси. На Руси их в то время называли остяками и вогулами.

Главными занятиями хантов и манси были рыболовство и охота. В некоторых местностях развивалось и скотоводство, земледелие, правда в примитивной форме.

В XVI веке патриархально-родовые отношения, сложившиеся у хантов и манси, постепенно переходили к классовым. Усиливалось притеснение бедняков местными князьками, росли поборы, выколачиваемые и «своей» знатью, и татарской администрацией.

С захватом Кучумом власти уплата ясака сразу значительно возросла. Военная помощь, которую постоянно требовал хан, сказывалась на традиционных занятиях не только хантов и манси, но и татар, многие из которых были приверженцами свергнутого Едигера и не желали подчиняться новому хану.

Наиболее крупным племенным объединением у хантов в XVI веке было Кодское княжество, а у манси — Пелымское княжество. Население их не скрывало все растущего недовольства.

Но больше всего беспокоило хана то, что среди непокорных часто оказывались и жители татарских улусов. Беков и мурз возмущала политика Кучума, который игнорировал местную знать, окружил себя выходцами из Бухары и Ургенча. Среди советников и есаулов хана главенствующую роль играли чужеземцы из Средней Азии.

На Руси были хорошо осведомлены о событиях, произошедших в Сибири, и несколько лет выжидали, как поведет себя новый хан, признает ли он договор, заключенный его предшественником. Не дождавшись от него

вестей, послали к Кучуму татарина Аису, по такому случаю освобожденного из тюрьмы.

В ответ на грамоту Ивана IV Кучум хоть и признал власть «белого царя», но пытался отстоять свою независимость, показать, что он покорен до известных пределов и угроз не потерпит. Он сообщал Ивану Грозному, что долго не посылал ему грамоту, так как не до того ему было, занят он был усмирением врагов, а ныне, со скрытым вызовом писал хан, «похошь миру, и мы помиримся, а похошь воеватися, — и мы воюемся».

Однако скоро Кучум сменил тон. До него дошли вести о победе русской армии над турками под Астраханью, и он счел, что в такой ситуации ему выгоднее не ссориться с «белым царем», а платить ту дань, на которую условились Иван Грозный с Едигером.

В 1571 году в Москву приехал от Кучума посол Таймас. Он привез, как и было условлено «по прежнему обычаю», тысячу шкурок. Вроде бы восстанавливалась видимость добрых отношений, из Москвы было отправлено «милостивое слово» Ивана Грозного Кучуму.

Но наметившийся было союз оказался непрочным. Хан издали внимательно следил за развитием событий на Руси, тщательно взвешивал, что сулят ему дошедшие до Сибири слухи. Трудные времена переживала Россия. Ливонская война, набеги крымских татар на Москву, сожжение города в 1571 году — обо всем этом сообщали Кучуму. И еще об опустошительных бедствиях, которые постигли землю русскую, — о голоде и чуме, о десятках тысяч людей, умерших от эпидемий и истощения.

К тому же в Сибири положение хана укреплялось. Он сумел подавить очаги недовольства, жестокой рукой наводил порядок, перебил самых непокорных своих врагов, а остальных заставил смириться, выполнять его волю.

И счел, что отныне «белый царь» никакой опасности для него не представляет. Решил, что пришло время

ему самому перейти в наступление. Отныне строгановские владения постоянно подвергались грабежу и разбою. И не только строгановские. От Южного Урала до Нижней Оби бесчинствовали всадники Кучума, разоряя русские поселения. Они поднимали на борьбу с Русью местные племена, истребляли всех, кто выступал за союз с Россией, забирали себе дань, предназначавшуюся казне Ивана Грозного.

Кучум ловко воспользовался справедливым недовольством местных народов политикой Строгановых. Он умело извлекал выгоды из освободительной борьбы сибирских племен против засилья колонизаторов. И сам еще больше закабалял эти племена, насаждая страх и террор, принуждая их присоединяться к своим отрядам, которые опустошительным смерчем проносились по русской земле.

Московское правительство, обеспокоенное таким развитием событий на Урале и Оби, серьезной угрозой, которую представляли татарские всадники для мирных поселений, дало Строганову разрешение иметь свою вотчинную армию кроме гарнизонов, оборонявших их городки.

Строгановым предписывалось проводить активную наступательную политику, им создавались условия для того, чтобы расширить русское влияние на территориях, граничащих с Сибирью.

Не прекращались жалобы купцов царю на набеги «сибирских людей», просьбы дать им больше самостоятельности в борьбе с иноземцами.

Вот одна из грамот «царя и великого князя всея Руси», в начале которой, как и было принято в то время, подробно излагается содержание просьбы Строгановых. Грамота эта, написанная 20 декабря 7090 года (1581 года), типична по содержанию и стилю и хорошо передает ту обстановку, которая сложилась во владениях купцов незадолго до прибытия к ним отряда Ермака.

«Били нам челом Семен Оникеев сын, да Максим Яковлев сын Строганов, а сказали: в прошлом — дей во семьдесят девятом году воевали их слободы Чюсовую, да Сылву Чюсовские вогуличи. А ныне — дей девять десятого года о Семене дне (то есть 1 сентября) приходил Пелымской (мансийский) князь [с] ратью, а с ним людей семьсот человек, и их — дей слободки на Койве, и на Обве, и на Яйве, и на Чюсовой, и на Сылве деревни все выжгли, и людей и крестьян побили, жон и детей в полон поймали, и лошади и животину отогнали. А те—дей слободки их стоят на Украйне. А вогуличи живут блиско их слободок, а место лешее, а людем их и крестьяном из острогов выходу не дадут, и пашни похати, и дров сечи не дают же... и соли варити не дадут. А Семен—дей да Максим охочих казаков собрати, и своими людами на вогульские улусы, без нашего указу, войной приходити не смеют.

И нам бы их пожаловати, велети прибрати охочих людей, казаков, и теми казаки и своими людами от вогуличи оберечи».

В грамоте разрешалось нанимать «охочих людей», которые пожелают служить у Строгановых, но набирать их разрешалось только в своем уезде.

Царь, не давая полной воли купцам и ограничивая их право набирать войско по собственному усмотрению, не разрешая нанимать казаков (перемирие в Ливонской войне к дню написания грамоты пока не было заключено), все же позволил Строгановым вести военные действия против вогуличей.

В документах тех лет не раз отмечалось, как велико значение далеких поселений, граничащих с землями воинственных инородцев. Распространить русское влияние в Сибирь — такова была фактически основная цель восточной политики Ивана Грозного.

И, провожая через несколько месяцев в поход дружину Ермака, Строгановы преследовали свои личные интересы, совпадавшие с интересами государства.

При Иване IV значительно расширились торговые связи с Западной Европой, с восточными странами. И везде самым желанным товаром была «мягкая рухлядь» из России — соболя и белки, бобры и горностаи. Английские, шведские, голландские, турецкие, бухарские, персидские купцы приезжали в Москву за мехами. Торговые люди давали немалые деньги, уверенные в том, что у себя, перепродав, заработают несравненно больше. Чуть ли не с каждым годом цены на пушнину росли, хищнически уничтожались звериные угодья, все труднее становилось добывать соболя и песца.

Возросший рынок сбыта и определял во многом интерес к Сибири, где, как тогда считали, запасы пушнины были практически неисчерпаемы.

Тревожили русское правительство попытки иностранных купцов самим найти путь к этому богатству. Английские и голландские купцы, их коллеги из других стран настойчиво разведывали дорогу в Сибирь, испрашивали у царя разрешения заходить в устья северных рек, строили проекты захвата русских земель.

Еще в 1492 году потерпел неудачу иноземец Михель Снупс, который собирался добраться до дальних земель «на великой реке Оби». Но ему было отказано со ссылкой на то, что столь далекое путешествие представляет большую опасность.

Особенно настойчивым было стремление проникнуть на северные моря и реки у англичан. Они упорно искали Северо-Восточный проход, который позволил бы попасть из Западной Европы в Восточную Азию, минуя Северную Европу и Азию.

Географы считали, что Обь вытекала из Китайского озера, около которого находился город Пекин. И по Оби, уверяли ученые, самый удобный путь в Китай, к экзотическим товарам, столь ценным на рынках.

Организованное в Англии в середине XVI века Общество купцов-предпринимателей для открытия стран, зе-

мель; островов, государств и владений неведомых и даже доселе морским путем не посещаемых снарядило в 1553 году флотилию из трех судов. Возглавил ее знатный дворянин Хью Уиллоуби. Спустя несколько месяцев русские поморы нашли у пустынного мурманского берега в устье реки Варзины два корабля, «люди на них все мертвы, и товаров на них много». Третье, самое крупное судно, в начале экспедиции оторванное бурей от флотилии, достигло устья Северной Двины. На санях его капитан Ричард Ченслор приехал в Москву. Иван IV принял англичанина радушно, пообещал покровительство английским купцам, но постарался побыстрее отправить гостя домой, чтобы он не выведал сведений о местонахождении земель, известных по описаниям русских мореходов.

Общество купцов-предпринимателей после этой поездки было официально признано английским правительством, называли его в обиходе «московской компанией».

«Компания» снарядила корабль, на котором Стивен Барроу искал путь на Обь. Однако судно отклонилось от намеченного маршрута, достигло Новой Земли, острова Вайгач и затем пристало к мурманскому берегу. В пути англичанам помогали русские поморы.

И таких экспедиций к Оби и Иртышу в то время организовывалось немало. Путешествия мужественных мореходов из разных стран нередко кончались трагически. Но за щедрое вознаграждение они искали удобную дорогу на Восток, выполняли поручения дальновидных буржуа, которые мечтали найти выход к местностям, где открывались казавшиеся им безграничными возможности добывать бесценную пушнину. Их целью было создать плацдарм для выгодной торговли с китайскими и среднеазиатскими купцами.

Иван IV ревниво относился к посягательствам иностранцев на земли, которые считались исконно русскими, на те привилегии в торговле с Востоком, которые, по твердому убеждению царя, имели только русские купцы.

В 1583 году Иван Грозный отказал послу королевы Елизаветы Д. Боусу в просьбе разрешить английским купцам заходить в устья Печоры и Оби, подчеркивал, что реки эти находятся на русской территории и пребывание там иноземцев подрывает государственную монополию на редкие и дорогие товары.

Опасался царь проникновения иностранцев не только на северное морское побережье страны, но и в Сибирь. Если бы Русь не предприняла энергичных мер для налаживания связей с ханством, этим могли бы воспользоваться западноевропейские государства, и Иван IV торопился закрепить наметившиеся было контакты с Едигером и Кучумом. Когда же новый сибирский хан занял выжидательную, а порой и откровенно враждебную позицию, царь терпеливо ждал изменения ситуации, пытался расширить сферу своего влияния.

Именуя себя «всея Сибирские земли и северные страны повелителем и иных земель государем и обладателем», Иван Грозный еще задолго до похода Ермака обещал крупную награду мореходам, которые откроют водный путь из России в Китай и Индию. Среди тех, кто домогался этой награды, был и Оливер Брюнель, состоявший на службе у Строгановых и прозванный на Руси Алферием.

В рекомендательном письме знаменитому фламандскому математику и картографу Герарду Меркатору о нем говорилось: «Этот человек Алферий по происхождению нидерландец, прожил несколько лет пленником в Московской стране у двух знаменитых людей, Якова и Аники, которыми он был послан в Антверпен раздобыть искусных лодманов и моряков, путем предложения щедрого вознаграждения, для поступления на службу к двум вышеупомянутым прославленным лицам, оба которых заказали шведскому корабельному мастеру построить на берегу р. Двины два корабля для этого самого путешествия. Северо-восточный путь в Китай, как он, хотя неискусно,

но очень правильно объясняет... несомненно очень короток и легкодоступен. Этот самый человек сам путешествовал к реке Оби, как сухим путем, через страны самоедов и Сибирь, так и морем, вдоль берегов к востоку от реки Печоры»¹.

Вполне возможно, что Ермак, находясь у Строгановых, слышал об Оливере Брюнеле и его путешествиях, не исключено, что затем часть отряда атамана во время обского ясашиного похода использовала некоторые сведения, полученные Строгановыми от Брюнеля.

Наверное, Ермак много слышал и о своих соотечественниках, русских первопроходцах, проложивших путь на север. Еще за несколько веков до англичан и голландцев, которые приписывали себе открытие северных земель и морей, здесь уже побывали посланцы «господина Великого Новгородца». Конечно, Ермак не был знаком с тем, что писал киевский монах Нестор в «Повести временных лет». Но он, несомненно, слышал предания об открытиях новгородцев, о том, как они прокладывали неведомые прежде пути на север и восток, исследовали земли за Каменным поясом.

Предания почти не сохранили имен первооткрывателей, но сведения о некоторых из них остались в летописях. Ермак, безусловно, знал о походах в Югру, которые начались в XI веке. Жили в народе и сказания о храбрых ушкуйниках, которых не пугали никакие опасности. Новгородцы на ладьях (ушкуях), отчего и прозвали их ушкуйниками, совершали походы в Югру за данью. Сохранились достоверные сведения о том, что такой поход предпринял в 1193 году воевода Ядрей из Новгорода. Вернулся он домой с богатой добычей, привез соболей, изделия из кости, серебро, рассказал о народах, населяющих далекие земли.

¹ Введенский А. А. Торговый дом XV—XVII веков. Л., 1924. С. 103.

Такие походы в Сибирь совершались и позже. Так, например, в XIV веке в одной из летописных записей говорилось о том, что зимой 1384/65 года «с Югры новгородцы приехали. Дети боярские и люди молодые воеводы Александра Абакумовича воевали на Оби-реке и до моря, а другая половина выше по Оби...».

Есть и вещественные свидетельства пребывания ушкуйников в Сибири. Недавно в Новосибирской области найден меч с латинской надписью на клинке. Инкрустированный золотом и серебром меч имеет рукоятку, которая могла быть изготовлена не позднее XI века. Предполагается, что меч этот остался от ушкуйников, побывавших в Сибири задолго до Ермака. Правда, высказывалось и мнение, что меч мог принадлежать кому-то из дружинников Ермака.

Время, когда жил атаман, было временем великих географических открытий русских первопроходцев, и Ермак, вероятно, много слышал о славных подвигах своих предшественников, неумолимых путешественников, не только искавших «мягкую рухлядь», но и собиравших сведения о неизвестных прежде землях.

«Русские к концу XV века открыли не только всю Северную и Северо-Восточную Европу, но и Полярный, Приполярный и Северный Урал, т. е. большую часть Каменного Пояса, и перевалили его в нескольких местах. Московские владения передвинулись за Камень, который с того времени начали показывать на картах как меридиональный хребет. Русские проникли на Иртыш и в низовья Оби и, следовательно, положили начало открытию огромной Западно-Сибирской равнины. Великий князь Василий III Иванович впервые внес в свой титул земли Обдорскую и Кондинскую — территорию по нижнему течению Оби и по Конде, нижнему притоку Иртыша»¹.

¹ Магидовичи И. П. и В. И. Очерки по истории географических открытий. М., 1982. Т. 1. С. 222—223.

Во второй половине XVI века продолжалось интенсивное изучение новых земель. Англичане и голландцы следовали теми маршрутами, которые проложили до них от-важные русские поморы.

Границы поисков новых земель непрерывно расширялись. Экспедиция Ермака стала началом нового этапа географических открытий. После похода атамана началось присоединение к Руси огромной территории. Русские первопроходцы, словно приняв эстафету от Ермака, мужественно осваивали новые пути, прошли от Урала до Тихого океана, преодолели Берингов пролив, ступили на Алеутские острова, заложили поселения в Калифорнии.

Немногим больше полувека понадобилось русским мореплавателям для того, чтобы совершить этот подвиг.

Но все это еще предстояло, а пока Ермак готовился к экспедиции в Сибирь.

Историком-географом С. Марковым высказано мнение, что «поход Ермака имел связь с поисками, с морскими плаваниями к Оби, Иртышу и «Китайскому озеру»... такая связь несомненна. Именно тогда, когда англичане хотели зимовать в Сибири, а Оливер Брюнель советовался с Меркатором, Ермак Тимофеевич получил приказ Строгановых пойти за Урал»¹.

Англичане Артур Пет и Чарльз Дженкман в 1580 году на двух кораблях отплыли из Англии, пытаясь найти путь в Китай через Сибирь. В дороге предполагалась зимовка в столице ханства — Кашлыке. Поход этот закончился неудачно. Пет вернулся домой, а корабль Дженкмана, как предполагают, прошел в устье Оби и там погиб.

Строгановы, по-видимому, знали о намерении англичан пройти через земли Сибирского ханства и, опасаясь соперничества, торопились снарядить Ермака в дальние края. Это всего лишь гипотеза, не подтвержденная фактами, но она представляет интерес.

¹ Марков С. Вечные следы. М., 1973. С. 61.

Во всяком случае, богатые пермские солепромышленники искали новые каналы для своей торговли с сибирскими народами, а царь поощрял их в этих поисках, давал некоронованным королям Прикамья, как их порой называли, практически полную свободу действий, целью которых было закрепиться в Сибири.

Правда, на бумаге она числилась за Россией, но фактически ей не принадлежала. Вассальная зависимость, которую признавали в грамотах сначала Едигер, а затем Кучум, не подтверждалась на деле. Кучум пытался диктовать в ханстве свои порядки, все чаще и все более открыто проявлял вероломство в своих отношениях с Русью. Он велел убить русского посла Третьяка Чебукова, его воины терроризировали приграничные русские поселения, нападали на местные племена и отбирали дань, предназначенную для царя. Кучум давал понять, что не допустит в Сибирь русских купцов.

Сам он придавал немалое значение торговле. Обширны были торговые связи ханства. По караванным дорогам везли из Сибири в Россию, Монголию, Китай меха, кожу, рыбу, мамонтовую кость, шерсть, изделия местных промыслов. Из Средней Азии и Китая везли на север хлеб, чай, бумагу, украшения, посуду, шелка бухарские купцы, в чьих руках в основном и находилась торговля.

Если бы Строгановым удалось вторгнуться в пределы Сибири, то они значительно расширили бы свои торговые операции. Но этот путь казался им пока нереальным. Войско Кучума представляло грозную силу, и Ермак имел возможность в этом убедиться.

Незадолго до начала экспедиции атаман впервые встретился в бою с «сибирскими людьми», с отрядом, который возглавлял сын Кучума Алей. Своего наследника хан не раз снаряжал в набеги на русские поселения. И всегда Алей почти не встречал сопротивления, легко справлялся с солдарами и крестьянами, издевался над своими жертвами.

Не так было на этот раз. На пути татар встали «Ермак Тимофеев с товарищи... и Чюсовой сибирским поковать не дали».

Почти до конца прошлого века в Петербурге в фамильном доме Строгановых можно было увидеть затинную (от слова «затинивать» — прочищать) пицаль, отлитую для похода в Сибирь и подаренную Ермаку. На стволе пицали, дальнейшая судьба которой неизвестна, один из историков прочитал надпись: «В граде Кергеда-не, на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090».

По-видимому, пицаль была подарена атаману после боев с Алеем. В этих схватках казаки увидели «сибирских людей» в деле, оценили силу и недостатки врага, поверили, что даже при численном преимуществе неприятеля опытные в ратном деле дружинники могут ему противостать.

Как сказано в Погодинской летописи, после боев с Алеем казаки начали «мыслить и збиратся, как бы им дойти до Сибирской земли и того царя Кучюма»¹.

Это было важнейшее и ответственнейшее решение, сыгравшее огромную роль в истории Сибири. Принять такое решение способен был лишь человек незаурядный, талантливый и смелый военачальник, не только исходящий из задач сегодняшнего дня, но и умеющий заглянуть в будущее, думающий об интересах государства.

Дружина Ермака имела четкое поручение — оберегать пермские земли Строгановых от иноверцев. Отряд Ермака, пополненный волжскими казаками, должен был оборонять Приуралье вместе с другими правительственными отрядами.

Незадолго до прихода атамана из Москвы в Пермь Великую отправили В. Оничкова и И. Глухова, которые

¹ Сибирские летописи. С. 275.

получили приказ обеспечить защиту важных государственных границ, совершить, если это будет диктоваться обстановкой, упредительные атаки на племена, угрожавшие мирной жизни строгановских владений. Ермаку предписывалось разделить свою дружину на несколько частей и нести караульную службу в гарнизонах. Об этом говорилось в царской грамоте Строгановым от 16 ноября 1582 года, направленной Иваном IV после того, как он узнал об экспедиции Ермака, начавшейся без его ведома.

В этой грамоте царь грозился опалой купцам за то, что они отпустили казаков, предназначенных для защиты границ. А в то время, как отправлялись они в Сибирь, на Чердынъ напали кочевники и принесли большой ущерб местному населению.

Об этом сообщил царю чердынский воевода В. Пелепицын, в свое время ставший жертвой нападения Ивана Кольцо.

Иван IV требовал от Строгановых вернуть Ермака, держать его казаков у себя, чтобы они защищали их земли, а в противном случае грозил и купцам, и казакам карами, последних даже обещал «перевешать».

Ермак превысил полномочия, данные его дружине, не ограничился обычной службой, а на свой страх и риск осмелился бросить вызов сибирскому хану, чтобы раз и навсегда покончить с постоянной угрозой, нависшей над жителями Прикамья.

Это соответствовало государственным интересам. Но Иван IV и мысли не допускал, что дерзкий план атамана может привести к победе. Осторожный и реалистично мыслящий царь считал, что недопустимо в погоне за несбыточными надеждами забывать о делах повседневных. Защита от набегов была насущной необходимостью, а вот казавшаяся легкомысленной затея атамана не сулила никаких выгод правительству. У него не было ни желания, ни возможности ввязываться, как он считал, в бес-

перспективную войну с сибирским ханом, силу которого в Москве знали.

Есть сведения, правда не подтвержденные другими источниками, что у Ермака в его походе против Кучума были предшественники, что правительство и раньше имело намерение расправиться с ханом. Оно поручило полковому воеводе Афанасию Лыченицыну разгромить Кучума. Но полковой воевода в этой боевой операции успеха не добился, его ратные люди погибли или попали в плен.

Если это было действительно так, то Ермак, по-видимому, знал о неудавшейся попытке разбить Кучума.

Письмо царя Строгановым еще раз подтверждает, что, отправляясь за Урал, атаман действовал по собственной инициативе, вопреки воле царя и не по «подсказке» Строгановых. Для них послать атамана в Сибирь без разрешения означало бы бросить открытый вызов Ивану IV, чего, конечно, купцы не могли себе позволить, ибо хорошо знали, как крут царь на расправу.

Как пишет историк А. Д. Колесников, «все последующие действия Ермака подтверждают его зависимость от верховной власти. Донесение о покорении ханства и взятии Кашлыка Ермак послал Ивану IV, а не Строгановым... Переговоры Ермака с мансийскими и хантийскими князьями от имени правительства, приведение их к присяге (шерти) на верность русскому царю, сбор и отправка в Москву ясака, присылка подкреплений в Сибирь из Москвы — все это свидетельства того, что Ермак понимал всю значимость своей миссии и действовал от имени центральной власти. Не ради личной наживы и грабежа шли в Сибирь казаки Ермака, а во имя высокой государственной цели»¹.

Замысел атамана не был ни поспешным, ни самонадеянным. Он верил в свою дружину, в которой многие воины обладали большим опытом и неоднократно доказыва-

¹ Колесников А. Д. Ермак. С. 31.

ли в боях свою смелость. Попав к Строгановым, Ермак интересовался всем, что было связано с Сибирским ханством, говорил с людьми, побывавшими на его территории, тщательно анализировал, что из услышанного заслуживает доверия, что нуждается в проверке, а что заведомое заблуждение.

Несомненно, до Ермака — и это блестяще продемонстрировала его экспедиция — о могуществе хана ходили преувеличенные слухи. Кучуму не составляло особого труда собрать под свои знамена большую армию, боеспособную, но не сплоченную, состоящую из отдельных отрядов под предводительством местных князьков, которые ненавидели хана и мечтали о свержении его власти.

Оценивая ситуацию, Ермак приходил к выводу, что Кучум, не сталкивавшийся до сих пор с достаточно сильным противником, при хорошо продуманном и организованном натиске может дрогнуть, а малейшей его слабостью постараются воспользоваться недовольные им князьки, только ищущие случая, чтобы предать ненавистного им захватчика.

Во владениях Строгановых встречалось немало людей, которые рассказывали Ермаку о тактике, применяемой татарами в сражениях, о вооружении воинов хана, об оборонительных сооружениях, используемых татарами, хантами, манси.

Самые разнообразные факты о неприятеле могли пригодиться в будущем.

Строгановы наладили неплохую разведку и имели немало сведений о Сибирском ханстве и его властителе.

Примерно 30 тысяч «черных людей» платили ясак Кучуму. По данным, которые имелись у Посольского приказа и у Строгановых, армия хана достигала почти 10 тысяч человек. В это число не входили небольшие отряды, которые обязаны были поставлять Кучуму во время войны местные племена. Даже если считать эти данные завышенными, все равно преимущество хана ока-

ывалось подавляющим — ведь дружина Ермака насчитывала 540 человек¹.

И тем не менее казаки приняли окончательное решение идти штурмом на Сибирское ханство. Момент для этого представлялся им подходящим.

Отряд Алея, лучший среди всех Кучумовых, был ослаблен поражением и направился к Соли Камской, где не рассчитывал на сопротивление и надеялся продолжить свой разбой.

Кучум, лишившись на время своей ударной силы, естественно, не был готов к нападению, и его можно было застать врасплох. Но если бы он и узнал об экспедиции, то нелегко ему было бы организовать оборону без Алеева войска.

Дальше медлить не позволяла и погода — путь до столицы Сибирского ханства предстоял долгий, трудный. Горные перевалы, через которые необходимо было перетаскать струги, тысячи километров по сибирским рекам до того, как ударят морозы и они замерзнут, — на все это оставалось совсем немного времени. Если не выступить без задержки, придется отложить поход до будущего года, пережить долгую зиму и весну с ее паводками, ледоставом и бездорожьем.

Каждый день был на счету. Оборудовались струги для дальней экспедиции, на них погружалось оружие, боеприпасы, продовольствие. В летописях по-разному говорится о «щедрости» Строгановых.

В Кунгурской летописи есть характерный эпизод. Максим Строганов, щедро обещавший и неохотно державший слово, такой же скупой, как и дед его Аника, пытался заключить с казаками соглашение, по которому хлеб и другие припасы они получали в долг под проценты, «в кабалу». Да и зачем ему быть щедрым? Правда,

¹ См.: Скрышников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака, с. 203.

он был заинтересован в исходе этого похода. Но начинался он не по его воле, и в благоприятном завершении этой, как считали Строгановы, казацкой авантюры они весьма сомневались. По мнению купцов, экспедиция была обречена на провал, а всех ее участников ждала верная смерть.

Зачем им, купцам, людям бережливым, знающим счет деньгам, вкладывать свои средства в дело заведомо гибельное?

Люди, привыкшие во всем искать выгоду, мало расположенные к бескорыстию и щедрости, Строгановы думали ограничиться минимальной помощью, разрешить казакам «припасы по цене взять», чтобы потом отдали взятое «с лихвою». Причем на эти проценты купцы вряд ли всерьез надеялись. Так, на всякий случай пытались они заключить выгодную сделку, не желая упускать даже малейший шанс на обогащение, — вдруг повезет казакам и вернуться они с добычей.

Но с дружинниками хитрость Максима Строганова не прошла, они не были склонны шутить. Отправляться в опаснейший поход неподготовленными — это значило заранее признать себя побежденными, предоставить еще больше преимуществ врагу, который и без того превосходит их многократно численностью.

Казаков возмутила скупость Максима Строганова. Ведь предстоящая экспедиция сулила Строгановым только выгоду. При любом повороте событий купцы оказывались в выигрыше. Пусть даже дерзкая задумка атамана не завершится победой, пусть даже будет достигнут частичный успех. Все равно предстоящие сражения обескровят Кучума, хотя бы на время предотвратят его непрекращающиеся набеги на восточные строгановские владения.

Конечно, войны, смело смотревшие опасности в глаза, осознавали, что не все из них вернуться домой, неко-

которые падут на чужбине. А что теряли Строгановы, кроме денег, которых у них не счесть?

Казаки обступили Максима Строганова. Больше всех гневался вспыльчивый и эмоциональный Иван Кольцо, не привыкший сдерживать чувства. Ермак не вмешивался в ссору, полностью доверяя своему соратнику, чей крутой нрав был всем известен.

«Не знаешь ли ты и тепере мертв, возьмем ты и рост-реляем по клоку», — кричал Кольцо. В устах отчаянного, ничего и никого не боящегося «вора-разбойника», расправлявшегося с охраной правительственных караванов, эти слова не звучали пустой угрозой. Иван Кольцо потребовал, чтобы купец выдал казакам три пушки, обеспечил всех, кто их не имел, пищалями, выдал на каждого воина по три фунта пороха, свинца, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупы и толокна, по пуду сухарей, соли и других продуктов, в том числе и масла. На каждого дружинника при этом приходилось примерно около десяти пудов продовольствия, не считая оружия, боеприпасов, различных инструментов, одежды, товаров и изделий, которые могли пригодиться в переговорах с местными жителями. Кроме того, купец должен был выдать «знамена полковые с ыконами, всякому сту по знамени».

Максим Строганов испугался, понял, что скупость может ему дорого обойтись. Пришлось ему выполнить требования казаков, открыть амбары.

Весело, споро шла работа. Казаки тащили грузы из амбаров, стояли у стругов со служилыми людьми, наблюдали за тем, как они взвешивают крупу, порох, хлеб на весах. Строгановской челяди не доверяли — убеждались не раз, что одна у них забота — обмануть отъезжающих, дать им меньше, чем было обговорено.

После взвешивания загружали мешки в струги. Несколько дней длилась погрузка.

Получили ли казаки все, что запрашивали, трудно сказать. Те запасы, которые им должны были выдать,

согласно Кунгурской летописи, довольно значительны. В других источниках просто констатируется, что казаки взяли у Максима Строганова хлеб, мясо, масло, порох, свинец.

По-видимому, Ермак не имел оснований для недовольства, снаряжена его дружина была основательно. Да и не допустили бы казаки несправедливости со стороны Строгановых. После зрелого размышления купцы, наверное, примирились с потерей и решили, что они теряют немного. Ведь для них дружина Ермака была только разменной картой. Повезет — отлично, не получится, сорвется — что ж, не беда, хоть ненадолго получить передышку, ослабить ханство, собраться с силами, чтобы отражать новые набеги Кучума, — и то дело.

Риск невелик, их состояние позволяло им потратить на экспедицию примерно 20 тысяч рублей. Запись об этой статье расходов сохранилась в архивах Строгановых, хотя некоторые историки цифру эту подвергают сомнению и считают, что затрачено было не более 10 тысяч рублей. Сумма сама по себе немалая, но для Строгановых, оборотистых купцов и промышленников, крупных спекулянтов, обладателей колоссального богатства, — не столь уж значительная.

Тем более что казаки не грабили Строгановых, а брали все в долг, по совести.

«Аще бог управит путь нам в добыче и в здравии имамы быти, заплатим и наградим по возвращении нашем; аще ли же избиени будем, да помянет нас любовь твоя в вечном успении, а чаем возвращения ко отцам своим и матерям»¹.

В этих словах и понимание тяжелых испытаний, ожидавших их, и надежда на то, что судьба будет к ним благосклонна, что миссия их увенчается успехом.

¹ Сибирские летописи. С. 315.

Ермак и его товарищи рисковали жизнью, риск этот осознавали в полной мере и, готовясь к походу, старались предусмотреть все трудности, которые могли поджидать на пути, любую случайность.

В организации такого опасного и нелегкого путешествия, которое могло продлиться неизвестно сколько, не было мелочей. Все надо было учесть, предвидеть заранее. В Сибири из-за своей оплошности, недальновидности или забывчивости они могли оказаться в трудном положении.

Но все необходимое с собой забрать невозможно, с этим Ермак заранее смирился. Да и так сложились обстоятельства, что даже тот минимум продуктов и снаряжения, которые собирались увезти, взять в конечном счете так и не удалось.

Собрали всего достаточно. Но, по словам Г. Ф. Миллера, когда казаки стали все это грузить на суда, последние не выдержали такой большой тяжести и стали топуть. Из-за этого произошла некоторая задержка, так как к судам пришлось прибавить большие боковые доски, а когда и это не помогло, Ермак решил оставить часть запасов и взять только то, что можно было увезти на судах.

Всем было очевидно, что дружине будет недоставать продовольствия, если поход затянется. Приходилось брать на строгий учет каждый фунт сухарей и крупы, соленого и копченого мяса, сушеной и вяленой рыбы, соли. Воинов того времени отличала неприхотливость. Сухари и овсяная каша — вот их основной рацион. В условиях дальнего перехода полезным считалось блюдо, приготовленное на скорую руку, — две-три горсти толочка смешивали с водой и добавляли по вкусу соль.

На первое время запасов продовольствия должно было хватить. Но только на первое время.

Дружина отправлялась в дальний путь, снаряженная только для победы. Иначе нельзя было начинать длительную экспедицию со скудными запасами провианта и боеприпасов. Только удача давала возможность попол-

нить продовольствие, поражение же в условиях предстоящей сибирской зимы неминуемо обернулось бы гибелью отряда, смертью тех, кто уцелел бы в решающем бою. Окруженный со всех сторон врагами, лишенный спасительных быстрых стругов, бесполезных на замерзших реках, Ермак при неудаче не сумел бы отступить по снегу, льдам, торосам, очутился бы в западне. Оставалось единственное — уничтожив основные силы армии Кучума, захватить столицу ханства, укрепиться в ней и отсюда наносить удары по остаткам татарских отрядов, которые попытаются вернуть столицу.

Лишь отчаянно смелые люди могли решиться на такой риск. Слабым не было места в дружине.

Сколько же людей она насчитывала? В источниках и позднейшей литературе встречаются разные данные, вплоть до совершенно невероятных. Так, например, в Кунгурской летописи утверждается, что под началом Ермака было 5 тысяч человек. Противоречивы и сведения о том, сколько людей взял с собой атаман из вотчин Строгановых. Думается, что ближе всего к истине те исследователи, которые определяют численность дружины примерно в 600 человек — 540 казаков и около 50 людей из местных, строгановских.

В Сибирь отправлялась хорошо организованная, боеспособная дружина, все воины которой умело владели оружием, обладали опытом, показали в боях с неприятелем и отвагу свою, и решимость, и находчивость.

Ближайшие помощники Ермака — Иван Кольцо, Матвей Мещеряк, Никита Пан и Яков Михайлов — были воинами испытанными, преданными своему атаману. Ермак отлично разбирался в людях: те, кому он доверял, ни разу не подводили его. Четверо его самых верных соратников погибли в Сибири, только Матвей Мещеряк пережил ненадолго атамана, но он тоже сложил здесь голову, мстя за Ермака.

Среди сподвижников атамана, которые чаще всего упоминаются в летописях, — Черкас Александров, Савва Болдыря, Богдан Брязга.

Летописи и подлинные документы того времени сохранили имена многих рядовых участников похода: Гаврилы Ильина, Ивана Шуянина, Григория Пережегина, Юрия Леонтьева, Федора Антропова, Афанасия Темниковца и других. Все они были уроженцы разных местностей, казаки с Волги, Дона, Терека. Матвей Мещеряк, очевидно, был родом с Мещеры, Иван Шуянин — из Шуи. Черкасами и Панами называли выходцев с Украины или из Польши, а фамилию или кличку Болдыря давали обычно людям, которые родились от смешанных браков между русскими и татарами.

Как пишет Р. Г. Скрынников, «клички давали некоторое представление о прошлом казаков, об их личных особенностях». О казаке Грише Ясыре известно, что он нес конную службу «с Ермаком вместе». Ясырем в Крыму называли пленных невольников. Немало русских людей прошли через татарский плен, прежде чем стали вольными казаками. Слово «брязга» в Нижнем Поволжье употребляли в значении «бить», «хлестать», «давать оплеуху». В Синодике ермаковым казакам упомянуты Иван Карчига и Окул. Иван был, скорее всего, новгородцем. В новгородском говоре «карчига» означало «хрипун». Слово «окул» употреблялось в некоторых говорах со значением «продувной». Среди казачьей вольницы хлесткое слово было, как видно, в большом ходу¹.

Народ в дружине подобрался разный. Кроме простых воинов, которыми командовали десятники, пятидесятники, сотники, в Сибирь отправлялись и полковые писари, которым поручалась канцелярия. Они были людьми грамотными, относились к ним с уважением. Большое зна-

¹ См.: Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 189.

чение придавал атаман моральному духу в дружине. По опыту своему знал, как много значит перед боем или во время сражения музыка, настраивающая на победу. Поэтому он взял с собой трубачей, сурначей, литаврщиков и барабанщиков. «Слово божие» несли казакам три попа. Им предписывалось обращать в истинную веру «поганых». Но вряд ли попам выпадало много работы, в постоянных сражениях было не до миссионерской деятельности. Да и самого атамана, судя по всему, нельзя причислить к ревностным поборникам веры, он не считал нужным насаждать ее огнем и мечом. Скорее всего, в боях приходилось попам брать в руки оружие.

Нашлось место в дружине и для монаха-расстриги, который «круг церковный справно знал», ведал также принасами, варил кашу.

Каждый имел свой круг обязанностей, для каждого предстоящий поход должен был стать труднейшим в жизни. Их всех ждала неведомая земля, где враг к ним будет беспощаден. Люди опытные, они догадывались, что Кучум с его большой армией попытается диктовать им свои условия, сразу их смять, сокрушить. И все же они верили в успех, верили в своего атамана.

Сеча впереди трудная — в этом сомнения не было. И поэтому готовились к ней казаки, не щадя себя.

Конечно, при таком численном превосходстве противника особенно важно было поддерживать в дружине строгую дисциплину. Вольные казаки, принимая дисциплину как должное, хорошо понимали ее значение. Решения казачьего круга были для них непререкаемыми. Товарищеская порука предполагала уважение друг к другу, предписывала казакам подчиняться атаманам и старшим по чину.

Суровая жизнь, которую они вели, частые стычки не только с кочевниками, но и с правительственными и купеческими караванами, которые сопровождала охрана, — все это побуждало казаков к повиновению. Без четкого

порядка и беспрекословного подчинения атаману отряды были бы обречены на гибель в бою, а в случае поражения и плена гибель зачастую ждала их на плахе. Законы того времени не знали снисхождения к бунтовщикам и «ворам».

Приученные к дисциплине казаки, очутившись на чужой, неведомой им земле, где за каждым холмом, за каждой каменной грядой, лесом, у реки мог таиться враг, осознавали, как важна их сплоченность и взаимная выручка, боевая спаянность. Тут многое зависело от того, как быстро и четко принимали решения Ермак и его помощники, насколько точно выполнялись их приказы. Слово атамана становилось законом, ведь во время похода, естественно, не часто предоставлялась возможность собирать казачий круг.

К тем, кто пытался ослушаться, Ермак был беспощаден. За мелкую провинность атаман наказание чинил «жгутами», а за серьезные проступки кара применялась суровая, вплоть до крайней: «Насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду. И тем у Ермака вси укрепились»¹.

Нетерпимо относился атаман и к моральной распушенности, никому не позволял запятнать доброе имя воина. «Блуд же и нечистота в них в великом запрещении и мерска, а согрешившаго обмывши 3 дня держат на чеши»².

Итак, все было готово к походу — «добрые струги» нагружены продовольствием, оружие проверено. Медлить было нельзя, иначе погода могла вынудить отложить экспедицию.

На основании записей в различных летописях биографии Ермака называли разные даты начала похода — от 1577 до 1581 года. Последняя дата считалась наиболее

¹ Сибирские летописи. С. 316.

² Там же.

вероятной. Не было сомнений в дне и месяце, когда казаки выступили в путь, — в семенов день, как указывалось в летописи «в лето 7090 года сентября в 1 день».

1581 год был по тогдашнему летосчислению 7090-м. Счет годам в России вели не от «рождества Христова», а от «сотворения Адама». Произошло это, как утверждалось в постановлении Никейского собора, 1 марта 1 года творения в пятницу. 1 марта и считалось началом года, пока царь Иван III не повелел отмечать новогодие 1 сентября.

По Строгановской летописи, до 1 сентября 7090 года Ермак больше двух лет служил у купцов в Чусовских городках. Пытаясь примирить эти сведения с письмом Стравинского королю Баторию, ученые выдвинули версию о двух Ермаках Тимофеевичах. Один охранял владения Строгановых, а другой летом 1581 года атаковал Могилев. Этот «второй» Ермак не мог выступить в поход 1 сентября 1581 года. Но если даже предположить существование такого двойника, то возникает вопрос — как же согласуются с этой гипотезой бесспорные факты о том, что будущие ближайшие сподвижники Ермака — Иван Кольцо, Никита Пан, Савва Болдыря и другие в то время, когда начинался поход, сражались с ногайцами в Нижнем Поволжье? Не слишком ли велико в таком случае количество двойников, которых имели атаман и его помощники.

Еще в начале этого века историк Н. В. Шляков предположил, что безусловно подлинное и точно датированное донесение Стравинского заставляет пересмотреть распространенное мнение о начале похода в 1581 году или несколько ранее. Скорее всего, экспедиция началась 1 сентября 1582 года. Но эта гипотеза, высказанная без должной аргументации, подтверждена лишь недавно Р. Г. Скрынниковым, который привлек для обоснования ее богатый исторический материал, уточнил многие факты, высказал ряд предположений, позволяющих по-новому

взглянуть на некоторые обстоятельства сибирской экспедиции Ермака.

Для датировки начала похода важное значение кроме письма Стравинского имеют и другие подлинные документы того времени. Это, в частности, грамоты «с прочетом» Ивана Грозного, составленные в конце 1581 года. Такие грамоты «с прочетом» направлялись властям на места. После их оглашения («прочета») в местных правительственных учреждениях царские грамоты выдавались лицам, заинтересованным в их хранении.

Царь разрешал Семену и Максиму Строгановым для охраны их деревень и слобод «прибирати охочих людей, казаков, и теми казаки и своими людьми от вогуличи оберегати...», чтобы им неповадно было впредь разорять русские земли, убивать и грабить крестьян. Иван IV велел, чтобы и Строгановы, нередко ссорившиеся между собой, и местные власти «всею землею пермскою... сопча стояли за один, и промышляли сопча, чтоб на вас вогуличи вперед войной не приходили». В этих грамотах сообщалось о том, что в сентябре 1581 года на владения Строгановых напали «пелымский князь с вогуличи». Судя по этим документам, Ермак в конце 1581 года еще не служил у Строгановых. Иначе, конечно, его дружина разбила бы «рать» пелымского князя, которая легко брала верх над мирными жителями, но вряд ли устояла бы в схватке с казаками. Да и если бы они уже прибыли к Строгановым, не стали бы купцы просить помощи у царя, который разрешил им набирать «охочих людей».

Выше уже упоминалась грамота царя Строгановым от 16 ноября 1582 года. В этой грамоте, которую исследователи называют «опальной», точно указана дата начала похода.

«Писал к нам ис Перми Василей Пелепелицын, что послали вы из острогов своих волжских атаманов и казаков Ермака с товарищи воевати вотяки и вогуличи и Пелынские и Сибирские места сентября в 1 день, а в

тот же день собрався Пелынской князь с сибирскими людьми и с вогуличи, приходил войною на наши Пермские места, и к городу к Чердыни к острогу приступал, и наших людей побили, и многие убытки нашим людям починили».

Царь гневается на Максима и Никиту Строгановых. Ведь они наняли казаков для того, чтобы те оберегали Пермскую землю. Вместо этого «Ермак с товарищи пошли воевать вогуличи, а Перми ничем не пособили. И то все сталося вашим воровством и изменою».

Два раза в этой грамоте указывается дата «1 сентября».

Значит, атаман прибыл к Строгановым в период между концом 1581 года и осенью 1582 года, когда отправился в поход. И находился он у купцов всего несколько месяцев, а не больше, как указывается в летописях.

Но эти несколько месяцев стали прологом к тому подвигу, который совершила дружина Ермака. Именно в эти месяцы возник у атамана его замысел, воплотившийся в дело, с которым и связано начало освоения Сибири.

«И БЫСТЬ БРАНЬ ЖЕСТОКА»

На семенов день, 1 сентября 1582 года, дружина выступила в поход из Чусовских городков. Путь ее лежал в Кашлык. Около 1500 километров предстояло преодолеть до столицы Сибирского ханства. Самое подробное и, пожалуй, достоверное описание маршрута содержится в Погодинской летописи. Ермак направился вверх по Чусовой, «а из Чусовой реки в Серебряную реку... а с Серебряной реки шел до реки Борончюка волоком и суды на себе волочили, а рекою Борончюком вниз в реку Тагил, а Тагилом рекою на низ же в Туру реку... погребли на нис же Турою рекою в Тобол...»¹.

Согласно новым исследованиям весь путь до оплота ханства занял у казаков меньше двух месяцев. Могла ли дружина Ермака преодолеть за такой короткий срок около полутора тысяч километров?

Ведь на пути ждали казаков не только препятствия естественные, места труднопроходимые, тяжелый волок. Приходилось порой с боем пробивать себе дорогу, делать остановки для пополнения продовольствия.

По берегам сибирских рек Туры и Тобола находилось немало поселков, где жили племена вассальные, подчиненные Кучуму. Местные князьки имели небольшие от-

¹ Сибирские летописи. С. 278.

ряды, но в стычки с пришельцами вступать остерегались. Несомненно, сибирский хан уже скоро узнал о грозящей ему опасности и располагал достаточным временем, чтобы подготовиться к ней.

Ермака сопровождали опытные проводники, посланные с ним Строгановыми. Но все равно казакам, наверное, представлялись нескончаемыми эти сотни километров по рекам, изобилующим порогами, скалами, подводными камнями. Гребцы выбивались из сил в начале пути. По Чусовой до устья Серебрянки и затем вверх по Серебрянке течение стремительное, мощное. Реки в то время были полноводнее, чем сейчас, и, как ни напрягались гребцы, как ни налегали на весла, струги едва продвигались вперед. А порой их сносило вниз, и приходилось части отряда высаживаться из судов, использовать навыки, полученные раньше на Волге, где научились «вольные люди» тянуть струги за собой. За день совместными усилиями казаков, превратившихся в гребцов и бурлаков, суда продвигались верст на пятнадцать. Нелегкой задачей стал и волок. И опять на помощь пришел опыт казаков, не раз перетаскивавших струги с Волги на Дон. Только в отличие от того волока, более ровного, здесь трудно было использовать катки, и казаки «суды на себе волочили».

Вряд ли удалось бы дружинникам без предварительной подготовки, учитывая нехватку времени, переправить по десятиверстному волоку крупные суда. А сравнительно легкие струги, плавно покачиваясь над землей, медленно двигались к реке Баранче.

На зауральских реках плыть было легче, особенно по Тагилу—течение здесь быстрое и суда проходили за день втрое большее расстояние, чем в начале пути. По Туре, Тоболу, Иртышу струги шли споро, подгоняемые течением и попутным ветром.

Пустышны были берега сибирских рек, но проводники, сопровождавшие флотилию, показывали издали Ер-

маку поселки аборигенов. Завидев струги, они прятались и предпочитали наблюдать за непривычным для них шествием судов.

Такого количества стругов сразу ни татары, ни ханты, ни манси никогда не видели раньше. Когда казаки приближались к берегу, любопытные исчезали. Дружинники, настороженные, готовые в любую минуту к нападению, направлялись за продовольствием. Встречали их миролюбиво. Ермак строго-настроено велел с местным населением отношений не портить, грабежом не заниматься, за еду расплачиваться тем товаром, что заранее был припасен для натурального обмена. Многие пустяки, для казаков не представлявшие никакой ценности, здесь были в диковинку.

Иногда плыли казаки версту за верстой, и ничто поблизости не указывало на присутствие человека. Случалось, за день доводилось увидеть лишь легкую струйку дыма вдали. Значит, где-то рядом обитают люди, которые конечно же следят за ними. Хорошо было бы добраться до Кучума незамеченными, нагрянуть на него внезапно, воспользоваться преимуществом неожиданного нападения.

Но Ермак надежды на такую удачу не питал. Слишком долог и труден путь, лежащий мимо этих поселений, вернее, нескольких землянок, расположенных недалеко одна от другой. Местных жителей сибирский «салтан» держал в повиновении, и в своей вассальной преданности ему не могли они не известить своего повелителя, какая беда на него надвигается. Важно было вступить в схватку с ханом пораньше, лишить его возможности собрать воинов из отдаленных районов.

Среди дружелюбно настроенных мирных жителей попадались и люди воинственные, готовые воспользоваться малейшей оплошностью или беспечностью. Один из стругов, примерно на версту опережавший остальные и

разведывавший местность, попал в ловушку. Казаки не сумели отбиться, аборигены взяли их в плен.

Правда, неволя продолжалась недолго. Подоспевшие на выручку дружинники освободили товарищей. Никто не пострадал. Но урок казаки получили хороший. Нельзя ослаблять внимание: чем ближе к владениям Кучума, тем больше вероятности угодить в западню, поэтому следует быть настороже.

Ермак готовился к боям с противником еще на дальних подступах к Кашлыку, но пока татары не беспокоили его дружину. Незначительные столкновения, происходившие время от времени, не приносили ощутимого успеха или урона той или иной стороне. Казаки и отряды князей, вассалов Кучума, словно бы приглядывались друг к другу, пытались нащупать сильные и слабые стороны противника, готовились к решающим сражениям.

Первая серьезная схватка произошла на Туре у деревеньки Епанчи. Юрта князька находилась на правом берегу реки Туры, на западной окраине Сибирского ханства. Звали татарского князька Япанзей, но казаки окрестили его Епанчей. После того как Ермак разбил отряд Епанчи, надолго опустела деревенька. И только в начале XVII века, уже после того как была открыта новая, более удобная и короткая дорога от Соликамска до верховьев Туры, на месте бывшего юрта был заложен Туринск, город, ставший впоследствии местом ссылок, связанный с именами декабристов.

Погодинская летопись, куда сведения о встрече с Епанчей попали из «сказки», поданной в Посольский приказ дружинниками, прибывшими на следующий год в Москву, не сохранила подробностей этого боя. Можно предположить, что был он упорным, казаки вынудили татар отступить, но исходом этой стычки атаман остался недоволен, ибо не удалось ему «языка татарского... изымаша».

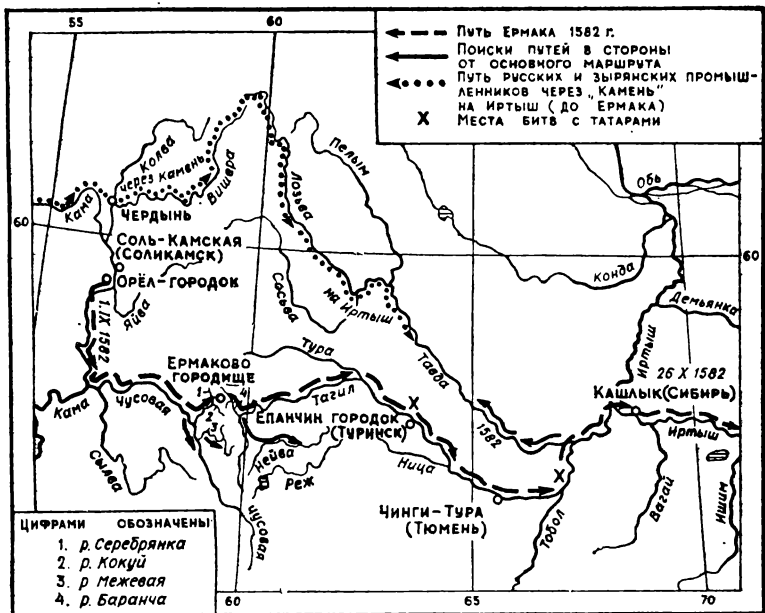


Схема 1. Поход на Сибирь Ермака

Уже долгие недели находились в пути дружинники, и они не располагали сведениями о Кучуме, не знали, известно ли ему о них, готовится ли он к отпору, каким войском располагает. У «языка» могли они многое выведать, а так приходилось и дальше гадать, что ждет их впереди, что готовит им хан.

К тому же если раньше Ермак только предполагал, что местные жители могут оповестить Кучума, и строил планы, как бы помешать им это сделать, то теперь сомнений не оставалось — отступившие с боем татары известят хана.

И действительно, как сообщает летопись, «царю Кучуму то стало ведомо». Судя по донесениям, которые он получил, против него был брошен сравнительно небольшой отряд, вряд ли способный вести наступление на хорошо укрепленный город.

Хапа эти сведения не обеспокоили. Он не сомневался, что столица его останется неприкосновенной, ни один из пришельцев не войдет в Кашлык. Хан точно рассчитал примерное время начала похода и правильно заключил, что, выступив в путь, казаки не знали об очередном набеге его старшего сына и наследника Алея на Пермский край.

С ним были посланы отборные войска. Хан, веривший в удачливость сына и в его военный талант, предполагал, что Алей успешно ведет сражения с пермскими городами, уже осадил, а может, и успел взять приступом Чердынь. Гарнизоны этих городов невелики, долго обороняться им не под силу. Следовательно, казаки, направляющиеся к Кашлыку, будут отозваны назад, чтобы укрепить гарнизоны, защищающиеся от Алея.

У Ивана IV нет достаточной военной мощи, чтобы сражаться на нескольких фронтах. Зачем ему разворачивать действия и в Сибири, если он сталкивается в пределах своего царства с трудностями, с которыми не в состоянии справиться?

Не закончив похода, казаки повернут назад, был уверен Кучум. Да и какие неприятности может ему причинить эта горстка людей, затерявшаяся на просторах Сибирской земли!

У казаков нет времени для военных действий. Если они не отправятся немедленно с Туры назад, то скоро грянут холода, чужеземцы попадут в ловушку, им придется бросить струги, так как невозможно будет при морозах воспользоваться ими.

Логика Кучума представлялась безупречной. Действительно, Иван IV, когда ему сообщили об экспедиции

Ермака, разгневался и послал опальную грамоту Строгановым, в которой грозил им карами, если они не вернут казаков из Сибири для защиты своих владений.

Царь всячески избегал стычек с Кучумом, считая, что время для этого пока не настало.

Но гневное послание царя не достигло казаков, и они продолжали свой путь. С приближением к Кашлыку вперед продвигаться становилось все сложнее. Татарские поселения представляли все большую угрозу, казакам часто устраивались засады.

Летописи сохранили названия нескольких местностей, где происходили схватки. Противники как бы прикидывали, на что будет способен враг в решающих боях.

В урочище Бабасан, в Карачином улусе гремели выстрелы. Небольшие отряды татар, поджидавшие казаков, после короткого сражения отступали, ошеломленные разрушительной силой наводящего на них страх огнестрельного оружия. Повсюду распространялись слухи об убийственной мощи чужестранцев.

Сохранились народные песни и предания об уловке, не раз используемой Ермаком во время плавания на стругах. Она помогала обнаруживать неприятеля. На ветки и пучки хвороста надевали казаки одежду и представляли «людей соломенных» на вид. Татары, скрывавшиеся в чащобе, осыпали ряженных с берегов градом стрел. Но струги проплывали мимо, никакого видимого вреда стрелы прищельцам не причиняли. Эта неуязвимость русских удивляла и пугала татар.

А татары смотрят да дивуются,
Каковы-то русски люди крепкие,
Что убить-то ни одного не могут их!
Каленых стрел в них, как снопики, наклепено,
А казаки все живы стоят.

Стрелы и копья, сабли были основным оружием татар. А казаки отправились в поход со своим военным снаряжением, добытым в прежних боях. Вооружены они

были пищалями, самострелами, аркебузами, саблями, копьями, топорами, кинжалами — в зависимости от того, кто чем разжился на полях сражений. Помогли и Строгановы, так что казаки были экипированы хорошо.

Самым грозным оружием считалась фитильная пищаль. Татары были знакомы с огнестрельным оружием, но сами его не имели. Правда, на стенах Кашлыка стояли две пушки, скорее для декорации и демонстрации мощи, так как обращаться с ними никто не был обучен.

Только немногие из татар, участвовавшие в набеггах на Русь, не боялись ружейного огня. Остальные, хоть и наслышанные о нем, бросались в паническое бегство при первых же выстрелах.

Ермак умело использовал то преимущество, которое давало ему огнестрельное оружие. Опытный воин, он применял в боях разные тактические приемы: и традиционно сложившиеся у казачьих отрядов, и новые, те, которые диктовала обстановка.

Летописи не позволяют достаточно полно судить о военном искусстве Ермака, о тех «военных хитростях», которые он применял в сражениях, о том, как умело и безошибочно выбирал он направление главного удара, точно определяя силу и слабость противника.

Конечно, огнестрельное оружие играло немалую роль в боях с татарами, но было бы неверно преувеличивать его значение. Зарядить пищаль, произвести выстрел — на это уходило 2—3 минуты, не меньше. В ближнем бою пищали оказывались практически бесполезными.

Каждая победа Ермака — это прежде всего верно выбранная тактика, четко продуманный боевой порядок.

«Военное искусство Ермака уходит своими корнями в благотворную почву народного творчества, — писал историк Н. Лапин. — Победы в Сибири, отмечают летописи, были одержаны «не от славных муж, от царска повеления воевод», а «славою и ратоборством атамана Ермака Тимофеева сына». Вкладывая в уста Кучума

горькую жалобу: «От простых бо людей Ермак и не со многими прииде и... воя моя изби и меня посрами», летописец подчеркивает, что простой человек одержал победы, имеющие громадное историческое значение.

В основе тактики дружины Ермака был военный опыт казаков. Отважный рукопашный бой, меткая стрельба, прочная, опирающаяся на «города» и остроги оборона, высокая по тем временам маневренность дружины, использование местности — черты русского военного искусства XVI—XVII веков. Отличительной чертой тактики Ермака было также взаимодействие флотилии гребных судов с казачьими отрядами, высаживавшимися на берег»¹.

Атаман стремился встретить врага на узких, прибрежных участках, где противник не мог использовать мобильную конницу и вынужден был вступать в рукопашный бой. Ермак и его дружинники имели многолетний опыт рукопашного боя. Крепкие, мощные воины, обученные приемам и хитростям схватки, оказавшись лицом к лицу с врагом, умело пользовались холодным оружием. Татары боялись таких схваток и всячески их избегали.

Воины Кучума уверенно чувствовали себя на открытом пространстве, в стремительной сабельной атаке, в мощном натиске, где их кони могли подмять пехоту.

С тактикой, которую применял Ермак, они столкнулись впервые. Ружейный огонь наносил большой урон вражеской коннице, вносил беспорядок в ее строй. Копья и сабли татар были бесполезны в первые минуты схватки, казаки не подпускали противников близко. Правда, постепенно татары приспособились к непривычной для них манере боя казаков. Зарядить фитильную пищаль — дело непростое, проходило минуты две, а то и три, прежде чем за первым выстрелом можно было произвести

¹ Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 45.

второй. Казаки старались стрелять по очереди, чтобы огонь не прекращался, но в пылу схватки это не всегда удавалось. Налетала конница Кучума, пытаясь расстрелять ряды казаков, взлетали в воздух сабли.

Если численное преимущество противника было особенно велико, конница его, вырвавшись на простор, получала возможность атаковать со всех сторон. Ермак, чтобы отразить натиск всадников, выстраивал каре, внутри которого располагались пищальники.

Такую тактику избрали казаки в первом крупном бою за сибирскую столицу. К этому бою, который произошел на подступах к городу, Кучум готовился тщательно. Он поздно осознал свой просчет. Русские не отправились домой, они упорно продвигались вперед. Теперь хан лихорадочно собирал у Чувашева мыса пеших и конных воинов, всех, кого удалось согнать.

Соединившись вместе, татарские, мансийские, хантские отряды заволокли берег Иртыша, и повсюду, куда ни кинь взор, казаки видели копья и луки поджидавших их «безбожных агарян».

Дружинники, еще перед тем как выйти в путь, знали, что ждет их «сеча лютая», что рать у татар огромная. Но тут они воочию убедились, насколько велико преимущество врага.

Те стычки, в которых казаки без особого труда одерживали победу, были, по существу, только разведкой. Настоящее испытание ждало их в ближайшие часы. И будет оно нелегким, это понимали все, достаточно было взглянуть на берег.

И вот тут-то и выявилось впервые, кто чего стоит. Некоторые из дружинников дрогнули, «восхотеша... бежати», убеждали товарищей, что бессмысленно вступать в схватку, обреченную заранее на поражение, что с таким несметным воинством им не справиться. Глупо класть головы в открытом бою, где врагу нетрудно их сокрушить. Не лучше ли выждать, отступить, пригото-

виться к длительному противостоянию и уничтожать силы татар по частям.

Ермак отверг эти доводы. Отступить некогда и некуда, татары без труда расправятся с дружиной, поддавшейся панике. Именно сейчас должна во многом решиться судьба их похода. Отступление означало бы не только гибель отряда, но и то, что экспедиция их оказалась ненужной, напрасной.

Лишь решительность, отчаянная храбрость, безудержная атака могли принести победу. Выбора не было.

В Строгановской летописи рассказывается о тех часах, которые предшествовали бою. На вопросы некоторых растерявшихся казаков: «Како можем стати противу толикого собрания?.. Отойти ли нам места сего или стояти единомушно?» — атаман дал четкий ответ: «Не дадимся бегству и тоя худыя славы себе не получим, ни укоризны на себя не положим... Слышали есмы, братия, сами, колико зла сотвориша безбожнии они и окаянии агаряне Сибирския земли, салтан Кучум нашей русской Пермстей земли, государевым городом запустение и православным христианом посечение и пленение велие и Строгановых острошком колико зла учиниша... До единого всем умерети, а вспять возвратитися не можем срама ради и преступления ради слова своего, еже с клятвою обещахомся; аще нам всемогий, в Троицы славимый бог поможет, то и по смерти нашей память наша не оскудет в тех странах и слава наша вечна будет»¹.

Спокойная решимость атамана стоять твердо, сражаться до победы или пасть в бою с честью вселила уверенность в дружинников.

«И по сем атаманы и казаки утвердившеся вси единомушно и мужественно укрепившеся и уверишася до единого, и вси глаголаху едино: «Вкупе готови умерети ва святыя божия церкви и за истинную православную

¹ Сибирские летописи. С. 21—23.

веру пострадати, и благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю все России послужим и постоем противу поганых твердо до крови и до самая смерти, и того, братие, не пременим обета своего и вси единодушно на том станем непоколебими»¹.

Эти страницы летописи великолепно передают те чувства, которые владели казаками перед сражением. Только подлинные герои, люди доблестные могли решиться на такую неравную схватку.

Кучум, расположившийся со своей свитой на Чувашевой горе, следил за боем, развернувшимся перед ним. Непокойно было на душе у хана. Лучшее, отборное его войско еще не вернулось из Руси, а это, сражавшееся внизу, он собрал за считанные дни. Сибирский правитель отдавал себе отчет в том, что боевая выучка этих отрядов невысока, так же как и сомнительна верность подвластных ему племен. Кому, как не хану, было знать, что вся его власть держится на принуждении, что, если не страх, все рухнет, его ханство не просуществует и короткого времени.

Племянник Кучума царевич Маметкул устроил засаду у мыса. Татары и помогавшие им ханты и манси, ожидая, что казаки начнут атаку с ружейного обстрела, повалили деревья, соорудили укрепления, надеясь, что они уберегут их от пуль. А затем в рукопашной легкой будет расправиться с нападавшими.

Казаки заметили со стругов направленные на них пушки. Это было для дружинников неожиданностью. Не раз убеждаясь, что татары смертельно боятся огнестрельного оружия, они думали, что для татар оно в диковинку и если попадетя им в руки, то использовать его они не сумеют. Как показали дальнейшие события, так оно и случилось. Пушки молчали. Или татары не знали, как с ними обращаться, или же орудия, присланные Ку-

¹ Сибирские летописи. С. 21—23.

чуму несколько лет назад из Казанского ханства, пришли в негодность. Во всяком случае, Маметкул так и не пустил их в ход. А когда казаки после ружейного обстрела высадились на берег, татары не только спускали на них с горы огромные валуны, но и использовали пушки в качестве метательных снарядов. Скатившись с горы, пушки, не причинив никому вреда, скрылись в воде.

Из-за проходов в засеке Маметкул атаковал дружинников, но каре встретило нападавших мощным огнем. А потом казаки сами ринулись в атаку. «И начаша приступати к засеке мужественно и сурово... и бысть с погаными брань велия».

Обороняясь, воины хана метко пускали в дружинников стрелы. Несколько казаков упали. Но эти потери не остановили их товарищей, неудержимых в своем натиске.

«Казацы же на поганых вси единодушно устремишася и показавше храбрость свою и жесточь пред нечестивыми и безбожными агаряне. По малу же времени погании начаша оскудевати в силе своей».

Первыми не выдержали собранные из местной бедноты ополченцы — ханты и манси. Этим людям, каждодневно ощущавшим бремя ханской власти, были глубоко чужды его интересы, и только под угрозой жесточайших кар удалось их согнать на защиту сибирской столицы. Втайне они мечтали о разгроме ненавистного им правителя, полагая, что с крушением его власти они обретут большую свободу. Они уже были наслышаны, что пришельцы, появившиеся на их земле, относятся к местным жителям несравненно дружелюбнее, чем деспотичный и жестокий хан.

Покинутый союзниками Маметкул еще пытался оказывать сопротивление, но с каждой минутой отступавших становилось все больше.

«Казацы же поля приобретают и одолевают их и безчисленно поганых побивают, и от засеки отбиша, и зна-

мена свои на засеку поставиша, и царевича Маметкула уязвиша».

После того как Маметкула ранили, беспорядочный отход превратился в паническое бегство. Только преданность слуг, не покинувших царевича в беде, спасла его от плена. На лодке переправили они Маметкула на другой берег Иртыша, и он оттуда с горечью наблюдал за тем, как довершается разгром его войска.

И Кучум, ошеломленный, раздавленный этим непредвиденным поражением, видел с вершины Чувашевой горы, как бегут наспех собранные им ополченцы. Горько жалел он в ту минуту, что отборные его воины находятся далеко отсюда, на русской земле. А огромная рать, выставленная им против пришельцев, оказалась совершенно неподготовленной к бою. А может, Кучум в глубине души уже чувствовал, что перед этими храбрецами устоять невозможно, что царствованию его, еще недавно казавшемуся таким прочным, неожиданно пришел конец, что впереди у него нет никакой надежды вернуть свою власть.

Решив, что исход сражения предрешен, хан, как и Маметкул, поспешил переправиться на левый берег Иртыша.

С этой битвы и начинается, по существу, история «сибирского взятия». То, что раньше казалось невероятным, теперь стало реальностью. Вот в этот октябрьский день 1582 года и родилась слава Ермака. С этого дня он — народный герой, человек, стоявший у истоков присоединения Сибири к России. Как верно писал в начале этого века историк войска Донского Абрамцев: «Удивителен, конечно, подвиг Ермака, с горстью казаков овладевшего целым царством. Как ни превосходно ружье перед луком, все же не должно забывать, что саранча тушит целые костры, преграждающие ей путь, хотя и гибнет массами. Казаков было всего лишь пять сотен, а враг считал себя тысячами, и при упорной защите (что

и было) отстоял бы себя, если бы во главе русских храбрецов не находилась выдающаяся способностями полководца и администратора личность Ермака и если бы внутренние узы, связывавшие сибирские племена, были крепче. Прославляя подвиг Ермака, нельзя не удивляться тому, что простолудин являлся выразителем исторического закона, который двигал Русь к востоку в Азию и который продолжает вести ее в этом направлении до настоящего времени. Первый основательный шаг за Уралом сделал Ермак, другие пошли за ним»¹.

Вот здесь, на Иртыше, недалеко от столицы ханства — Кашлыка и показал Ермак свой выдающийся талант военачальника. Первый крупный бой в Сибири, закончившийся сокрушительным поражением противника, почти не принес потерь дружине.

Неожиданно легкая и быстрая победа удивляла. Держава Кучума, построенная на насилии, порабощении местного населения, оказалась значительно слабее, чем это представлялось.

Путь на Кашлык был открыт. В тот же день, когда была одержана победа на Чувашевом мысу, 26 октября 1582 года, вступили казаки в столицу ханства.

Это городище, куда стекались со всех сторон от поданных хана щедрые «подношения», выколачиваемые даругами, находилось на холме. Подступы к Кашлыку заграждали рвы, насыпные земляные валы, ущелье и овраг. Сразу две реки омывали этот холм. Одна — полноводная и шумная — Иртыш, другая — Сибирка, не сравнимая с могучим Иртышом, но тоже служившая естественным препятствием.

С опаской подходили дружинники к крепостным воротам. Не верилось, что город покинут, что удастся вот так просто войти в него. Издали казалось, что он пусты-

¹ Наука в СССР. 1982. № 2. С. 33.

нен, что нет «во граде никакого гласа», но эта тишина могла быть обманчивой, хитростью врага, его уловкой. Казаки приготовились к тому, что в любую минуту на них обрушится туча стрел.

Опасения не подтвердились. Татары покинули свою столицу.

Настороженно шли дружинники по незнакомому городу. Кашлык оказался небольшим, невзрачным. По холму беспорядочно разбросаны глинобитные дома, войлочные юрты. Над ними возвышалась мечеть. На ветру развевалось зеленое знамя Кучума, установленное на его шатре. В спешке хан забыл о знамени.

Скоро стало понятно, почему Кучум предпочел скрыться, а не держать оборону в укрепленном городе. Осажденные не способны были бы выдержать длительный приступ. В Кашлыке оказались ограниченные запасы продовольствия. При осаде не представляло трудности перекрыть дорогу к реке Сибирке и к колодцу на склоне оврага, откуда жители брали воду. Оставшись здесь, хан не имел никаких шансов защитить город. Он уже убедился в силе пришельцев, метко бросавших «огненные стрелы».

В Кашлыке победителей ждала богатая добыча — изделия из золота и серебра, драгоценности, среди которых встречались камни необычайной красоты, стоившие целое состояние, всевозможная «мягкая рухлядь» — собольи, куньи, бобровые, лисьи шкурки. Все это казаки распределили по справедливости.

Но предания гласят, что не все сокровища, накопленные ханом, достались Ермаку. Самую ценную часть своего имущества Кучуму удалось унести с собой и спрятать в подземном замке недалеко от Кашлыка, где будто бы «любимец солнца» мог скрыться, не боясь быть обнаруженным. Это место, как считалось, непосвященному отыскать невозможно. И если это предание истинно, то действительно хан умело законспирировал свое убе-

жище. Оно не найдено и по сей день, хотя поиски его предпринимались.

Так как продуктов в городе осталось немного, необходимо было запастись продовольствием на долгую зиму. Ермак тревожился — хватит ли запасов, морозы ожидаются лютые; добыть зверя, птицу — трудно. Придется беречь то, что есть.

Ермак, конечно, отдавал себе отчет в том, что одержанная им важная победа еще не значит, что Сибирское ханство покорено и сломлено, что Кучум смирился и не предпримет попыток отбить свою столицу.

Несколько дней в опустевшем городе казаки поочередно несли круглосуточную вахту, ожидая нападения, прикидывая, как сделать город неприступным.

Но хан медлил с ответным ударом, не давал о себе знать.

Через четыре дня дозорный отряд обнаружил всадников, направлявшихся к Кашлыку. Начали готовиться к бою, но скоро мирные намерения всадников стали очевидны. То были ханты с реки Демьянки, притока Иртыша. Князь Бояр со своими воинами первый признал нового завоевателя. Прежний хан пизвергнут — это радовало Бояра. Ничего, кроме притеснения и жестокости, он и его соплеменники не видели от Кучума.

Но Бояр чувствовал себя беспокойно, держался робко, подобострастно, с тревогой заглядывал в глаза Ермаку. Каким окажется новый правитель, не будут ли русские еще свирепее и ненасытнее сибирского хана и его челяди? Не покажутся ли им скромными дары, не оскорбятся ли они?

Привезли ханты с собой пушнину и продовольствие, самую расхожую валюту того времени. Народ они небогатый, взяли все, что могли собрать, надеясь умилистить нового господина.

Ермак встретил гостей приветливо, дары принял благосклонно, интересовался обычаями хантов. С уверен-

ностью говорил, что Кучум власти своей лишился навсегда, бояться его не надо. Теперь ханты и другие народы Сибири станут подданными русского царя, им обеспечено его покровительство.

Атаман, получив обещание от Бояра, что тот воевать с русскими не будет, напачил хантам ясак пушниной. Бояр обязался поставлять дань соболями или другими мехами. Взяли с него шерсть — присягу, что будет он покорен порядкам, установленным завоевателями.

Знакомством с новым правителем Бояр и его люди остались довольны. По окрестностям быстро разнеслась весть, что русские — люди справедливые и добрые, обид без нужды не чинят, если держаться с ними искренне и не таить за душой зла.

Потянулись вслед за Бояром к Ермаку и жители окружающих Кашлык поселений. Приходили и издалека — с рек Конды и Тавды. Хантам, манси, татарам — всем обещал атаман покровительство, всех принимал ласково, выслушивал внимательно. И разумеется, по обычаям того времени, облагал и ежегодной податью. Что ж, дело для местных племен привычное, соболий промысел выручал их при многих правителях. Но еще не приходилось им встречаться с отношением мягким, уважительным к их традициям и привычкам, образу жизни.

Если Кучум насаждал среди местных народов ислам и жестоко карал непокорных, не принимающих чуждую им веру, то Ермак и его сподвижники проявляли к «безбожным агарянам» терпимость. Все это увеличивало число союзников атамана.

Однако большинство местных князьков не решалось изменить Кучуму. Гонимые, отправленные ханом в поселения, созывали мужики под его знамена, где угрозами, где лестью, где щедрыми посулами собирали рать, распространяли слухи, что победа русских случайна. Они заперты в Кашлыке, окружены со всех сторон. Большие лодки, на которых они прибыли, из-за морозов и льда,

начавшего сковывать реки, теперь недвижимы. Русские не смогут передвигаться, как прежде, силы их на исходе, и разбить иноверцев, изгнать их из столицы не составит труда.

Впрочем, проходили дни, недели, а татары выжидали. Кучум считал дни, оставшиеся до возвращения из набега на Пермскую землю своего сына Алея с воинами, участвовавшими не в одной схватке с русскими.

Прошел месяц после занятия дружиной Кашлыка, прежде чем хан решил, что время для штурма наступило. После долгого размышления Кучум сыну своему войска не доверил. Он больше полагался на племянника Маметкула, испытанного, хитрого и находчивого в битвах. В поражении у Чувашева мыса царевича винить было нельзя. Слишком неподготовленны были люди, находившиеся под его началом, да и ранили Маметкула.

Местные князьки, которые уже заслужили доверие Ермака, сообщили ему о готовившемся нападении. Позже участники похода утверждали, что под знамена Маметкула на этот раз встало свыше 10 тысяч человек. Вероятно, как и во многих военных сводках того времени, цифра эта значительно преувеличена. Но все равно Кучум собрал рать, победе которой, казалось бы, ничто не могло помешать.

Что остается горстке русских, рассуждал Маметкул. Защищать город, приготовиться к длительной осаде, если им удастся отбить первые атаки. Ему, Маметкулу, торопиться некуда. Он будет осаждать Кашлык, пока рано или поздно не сломит сопротивление этих отчаянных храбрецов, которыми племянник хана, сам человек мужественный и энергичный, втайне восхищался. Мало ли чего можно ожидать от этих мощных, кряжистых людей, каждый из которых сражается за пятерых.

Но теперь — и это любой признает — у них нет никаких шансов уцелеть. Они заперты в городе, им остается только принять неравный бой, а все пути к от-

ступлению им отрезапы. Но если даже и удастся им вырваться из Кашлыка, все равно, лишенные быстроходных стругов, по глубокому снегу, уже покрывавшему местность, они далеко не уйдут.

Все верно рассчитал Маметкул. Так и получилось бы, имей он дело с обычным противником. Но логика Ермака была для него неожиданна и непонятна. Случилось то, что представлялось ему невероятным.

Вначале удача склонялась на сторону татар. Воины Маметкула встретили у озера Абалак русский отряд во главе с Богданом Брязгой. Ермак поручил ему выполнение жизненно важной задачи — снабжение дружины продовольствием. Было бы наивно полагаться только на доброту местных князьков, приходилось самим заботиться о пропитании.

Брязге было велено наладить промысел рыбы, в изобилии водившейся в озере. Вот за этим занятием и застали татары отряд Брязги и смяли его. Ермак, узнав от гоццов о поражении своего товарища, выступил из Кашлыка навстречу Маметкулу.

Около Абалака, в 15 верстах от столицы ханства, Ермак со своей дружиной смело пошел в наступление. И хотя татары не ожидали атаки (они ведь сами готовились напасть на город), она все же не застала их врасплох. Недолго продолжалось их замешательство. На этот раз перед Ермаком находилось гораздо более дисциплинированное и лучше организованное войско, чем месяц назад. Костяк его составлял отряд, вернувшийся из-за Урала. Огнестрельное оружие этих воинов не пугало, при каждом выстреле они прятались за деревьями, за кустами, и, пока казаки перезаряжали пищали, татары пытались перехватить инициативу, навязать дружинникам ближний бой, где громоздкое и неудобное огнестрельное оружие оказывалось практически бесполезным.

Весь день длился этот бой, самый упорный и кровопролитный за всю сибирскую эпопею Ермака. Ни до это-

го, ни позже не приходилось атаману сталкиваться с таким организованным и упорным сопротивлением. В этой битве в районе Абалака все лучшие, отборные силы ханства противостояли дружине. Многих своих боевых товарищей недосчитался Ермак вечером, после окончания сражения, когда с темнотою татары, понеся большие потери, отступили.

Выстояв в этом испытании, казаки добились не просто еще одной важной победы, второй после битвы за Кашлык. Под Абалаком они лишили Кучума всяких надежд на то, что ему удастся быстро и сравнительно легко справиться с малочисленным отрядом и вернуть столицу ханства. Теперь у Кучума не оставалось иллюзий — он убедился, что одним ударом потерянное не вернуть, что борьба предстоит долгая, что победа русских не случайна и его владычество в Сибири находится под угрозой.

Отступив на юг своего ханства, Кучум стал готовиться к затяжной борьбе, надеясь, что, постоянно беспокоя и обескровливая отряд иноземцев, он в конце концов дождетя благоприятного момента и уничтожит их.

Ермаку было ясно, что хан отошел временно, что он устраивает себе передышку и новые сражения с ним неминуемы. Но пока наступило затишье и представлялась возможность укрепить свои позиции, наладить отношения с местными жителями, завоевать их симпатии и, если удастся, сделать их верными союзниками в борьбе с Кучумом.

«ПОСТОИМ ПРОТИВУ ВРАГА ТВЕРДО»

Ермак и его казаки вошли в столицу ханства. Теперь им предстояло здесь властвовать, устанавливать законы, карать и миловать, управлять этим далеким от их родных земель краем, управлять справедливо и великодушно, уважая местные обычаи.

В семейных преданиях каждого из казаков, вошедшего в дружину, сохранились воспоминания о кабале, о чудовищных притеснениях со стороны власть имущих, о жестокости и социальной несправедливости. От этого насилия и скрывались люди на «украинах», куда трудно было дотянуться до них ненасытным угнетателям. На окраинах государства начинали гонимые и обездоленные новую, вольную казацкую жизнь. Свободу они ценили. И теперь перед ними встал вопрос — как быть с покоренными племенами?

Проявлять доброту, снисходительность к «агарянам», не притеснять чрезмерно, облагать относительно необременительным ясаком. В этом сходились все. Слишком долго и жестоко подвергались казаки угнетению, чтобы нести с собой угнетение в чужие земли.

Да, управлять милостиво, «с пониманием». Но от чьего имени управлять? В этом и заключался главный вопрос.

И прежде чем прийти к согласию, казаки, наверное,

немало спорили. И у тех, кто представлял разные точки зрения, были достаточно веские аргументы.

Понятно, оторванные от родных мест, долго ли могут они продержаться? Что они собой представляют? Не горстку ли людей, затерянных в этих безбрежных просторах?! Но если за ними будет стоять мощь русского государства, если им окажут содействие, то никакая сила с ними не совладеет. Или они сами по себе, и тогда рапо или поздно враг их сломит, или же они разведывательный отряд, ворвавшийся в Сибирь и представляющий интересы русского государства, поддерживаемый всей его мощью.

На эти доводы некоторые казаки, особенно те, кто были близки к Ивану Кольцо, отвечали, что до царя далеко, долго придется ждать от него помощи и лучше с самого начала полагаться только на собственные силы. Да и захочет ли царь помогать «ворам», людям вне закона, простит ли он казаков, напавших на воеводу В. Пелепелицына, грабивших купцов! У царя суд скор — топор или веревка. Не лучше ли воспользоваться плодами той неслыханной удачи, которая выпала на их долю, забрать побольше мехов и податься на родину?

На это тем, кто не верил в царскую милость, отвечали, что царь — человек справедливый, народ свой в обиду не даст. Его опричники казнили людей неправедных, бояр-притеснителей, приказчиков-казнокрадов, всех, кто на простом люде наживается.

Вера в доброго царя была широко распространена в народе, несмотря на то что страх и ужас вызывали у людей слухи о его жестокости, свирепых причудах, мстительности. Но, как говорилось, до бога высоко, до царя далеко, и все, что делал Иван IV, молва не без помощи верных ему людей истолковывала так, будто нет у государя иной заботы, чем радение о благе своего народа.

В то суровое и безжалостное время казни и кровь невинных людей были делом обычным. И за пытки, и за

смерть молва оправдывала царя — строг он, да, но карает за грехи, за поступки, вредящие русскому государству, за измену и крамолу.

Верно, царь жестоко преследует «воровских людей». Но Ивану Кольцо и его казакам простит он за добрые их дела, за то, что не побоялись прийти в эти края и держать неравный бой с иноверцами, чтобы землю завоевать для царя, расширить границы русского государства.

После долгих споров казачий круг решил послать гонцов к Ивану IV, заслужить милость его сообщением о доблести дружинников в Сибири и просить помощи, ибо немислимо столь малыми силами, которыми они располагали, удерживать завоеванное, управлять необъятными землями.

Отправиться в путь намечено было весной, когда отступят морозы, дорога будет благоприятствовать дальнему пути. Да и нельзя являться к царю с пустыми руками, пусть видит, как богата Сибирская земля, сколь выгодно владеть ею.

Далек путь до Москвы. Пока гонцы доберутся до столицы и вернуться с подмогой, много времени утечет. А до тех пор надежда только на свои силы. Нельзя терять ни дня, следует закрепить достигнутое, воспользоваться поражением Кучума, лишить его поддержки тех племен, которые колеблются, не знают, чью сторону принять. И если не вмешаться сейчас решительно, и впредь останутся они верными сибирскому хану, будут служить ему опорой.

К северу от Кашлыка, на Нижнем Иртыше и на Оби, находились татарские улусы и поселения хантов, которые представляли потенциальную угрозу для дружины. Если некоторые князьки с реки Демьянки, правого притока Нижнего Иртыша, из левобережных районов — с рек Конды и Тавды приходили к Ермаку с данью в первые же дни после его победы, приносили присягу на верность, заверяли, что исправно будут платить ясак, то многие

другие прииртышские племена выжидали и не спешили о изъвлениями покорности.

В ясашный поход на Нижний Иртыш и Обь атаман послал пятидесятника Богдана Брызгу. По некоторым другим сведениям, Брызга погиб в битве при озере Абалак. Но многими историками принята версия Кунгурской летописи, согласно которой именно Богдан Брызга возглавлял отряд в полсотни казаков. Им поручалось покорить Демьянские и Назымские городки, собрать дань, привлечь на свою сторону князьков, еще не решивших, кого поддерживать — хана или пришельцев. А тех, кто окажет сопротивление, разгромить, чтобы в будущем не имел Кучум в их лице союзников.

С такой задачей пятидесяти казакам было справиться трудно, но Ермак полагался не только на военный опыт и храбрость Богдана Брызги, но и на то, что часть местного населения выступит в его поддержку. В своем походе на север этот отряд сможет опираться на князьков, враждебно настроенных к хану. Ведь именно отсюда, с устья Демьянки, куда лежал путь Брызги, пришел к атаману в первые же дни после вяття Кашлыка князь Бояр. У него во владениях казаки могли рассчитывать на теплый прием.

Но дорога к юртам Бояра шла через татарские улусы, многие жители которых не хотели признавать новую власть. Конный отряд казаков подстерегали засады, приходилось с боями продвигаться вперед. Один из городков на реке Аремзянке оказал особенно упорное сопротивление, и, чтобы другим было неповадно брать с него пример, Брызга для острастки казнил несколько человек. Речь шла о существовании отряда, о том, выживет ли он в стане врагов, и он прибегнул к этой жестокой мере, чтобы утвердиться, сломить противника.

От успеха похода Брызги зависела судьба всей дружины. Зимовка выдалась тяжелой, казакам трудно было добывать продовольствие, им грозил голод.

После взятия городка на реке Аремзянке Брязга послал Ермаку хлеб и рыбу. Какое-то время их товарищи могли продержаться, но этого мало, и Брязга торопился вперед, чтобы добыть продовольствие для казаков, у которых был «голод близок».

Некоторые улусы сдавались без боя, за другие сражались, как, например, в Туртасских юртах. Зато за ними попали дружинники в хантские владения. У князя Бояра ждал их недолгий отдых. А затем в 30 верстах ниже устья Демьянки выпало отряду трудное испытание. Хантский князь Нимньюан, которого казаки окрестили Демьяном, решил сокрушить их. В укрепленном городке, расположенном на вершине горы, он собрал отряды соседей—татар, манси, хаптов (по летописным сведениям, правда явно преувеличенным, всего около двух тысяч человек). Такого количества воинов у него быть не могло, так как в этих краях насчитывалось несколько сотен мужчин. Но преимущество в численности у оборонявшихся было неоспоримым, и попытки казаков взять городок штурмом не удавались. В течение трех дней предпринимали они одно наступление за другим, и все закапчивались неудачей. Раздавались голоса, что укрепленный городок не взять, время только понапрасну уходит. И риск велик, собравшись с духом, иноверцы сами в любую минуту перейдут в атаку, и тогда придется плохо. Путь к отступлению закрыт, враждебно настроенные племена лучше знают местность и, воспользовавшись распутицей, которая ограничивает маневренность отряда, сумеют нанести немалый урон казакам.

Снять осаду тоже было опасно; только взяв городок, можно двигаться дальше, будучи относительно спокойными за тылы. К тому же требовалось время, чтобы построить легкие суда и спуститься вниз по Иртышу. Ведь близился ледоход.

При схватках с неприятелем казаки экономили боеприпасы, которые были на исходе, и ограничивались не-

сколькими залпами из пищалей. Но сейчас только огнестрельное оружие способно было решить успех дела. Расчет оказался верным, защитники города не выдержали огня и отступили.

Одержав эту важную для них победу, Богдан Брязга и его товарищи на какое-то время из воинов стали корабелами. Леса вокруг богатые, привычная для «вольных людей» работа шла споро. Небольшие струги спустили на воду сразу после ледохода. И продолжили свой путь вниз по реке «з боем и без боя», приводя к шерти (присяге) местные племена.

Казак дружелюбно относился к иртышским и приобским хантам и остякам, которые с удивлением убеждались в том, что чужеземцы не мстят тем, кто сопротивляется им, «не бьют жен их и детей», не глумятся над обычаями, сложившимися здесь испокон веков, не разоряют их святилища.

Одно из них, пожалуй, наиболее почитаемое у хантов, находилось на земле князя Самара, недалеко от устья Иртыша. Самар предупредили о приближении русских, и он готовился отразить их нападение. На помощь Самар призвал несколько других князьков с воинами.

Человек предусмотрительный, Самар на случай осады оборудовал для себя и своих близких убежище на вершине небольшой горы. На эту вершину, которая возвышалась над берегом реки, взобраться нападающим было практически невозможно. Нескольким воинам не составило бы труда отражать атаки целого отряда. Но места на вершине было немного, это убежище Самар берег на крайний случай, а пока вместе с воинами ночевал в юртах, внизу у подножия горы, надеясь при атаке укрыться на вершине в землянках, мало приспособленных для нормальной жизни, но безопасных.

Казак застал ночью врасплох караульных, расставленных у юрт. Самару так и не довелось воспользоваться укрытием — в схватке он погиб вместе со своими воина-

ми. Некоторые жители бежали, а остальные сдались на милость победителей, которые задержались на неделю в городке.

Среди местного населения, опережая казаков, распространялась весть, что пришельцы великодушно ведут себя по отношению к тем, кто не проявляет к ним враждебности.

Некоторые князьки спешили выразить свою покорность, обещали быть верными русскому царю. Среди них самым знатным был богатый кодский князь Алачей. Узнав об участии Самара, он явился к Богдану Брязге и дал слово преданно служить новой власти. Его назначили «большим», дали ему власть над местными хантами. Слово свое Алачей сдержал. И он, и его потомки стали союзниками Руси и через много лет после гибели Ермака не раз удостаивались привилегий за свою верность.

Свой ясашный поход Богдан Брязга завершил в Белогорье. Здесь от хантов он и его товарищи немало слышали о знаменитой «золотой бабе», сведения о которой уже давно проникли на Русь. Ермак тоже слышал об этом золотом идоле, но увидеть его атаману не довелось. Не повезло и Богдану Брязге, хотя он и был близок к этому почитаемому хантами божеству.

Здесь, в Белогорье, и находилось у них «мольбище большое богине древней — пага с сыпом на стуле сидящей».

Местные жители, хотя и оценили дружелюбие казаков и не отказывали им в помощи продовольствием, предпочли спрятать своего идола.

Богдан Брязга вернулся в Кашлык, привез с собой и пушнину, и запасы продуктов. В целом, если не считать незначительных потерь, поход его завершился успешно. Казаки укрепили свои позиции, исследовали районы, до сих пор малоизвестные или вовсе неизвестные, много узнали о местных обычаях.

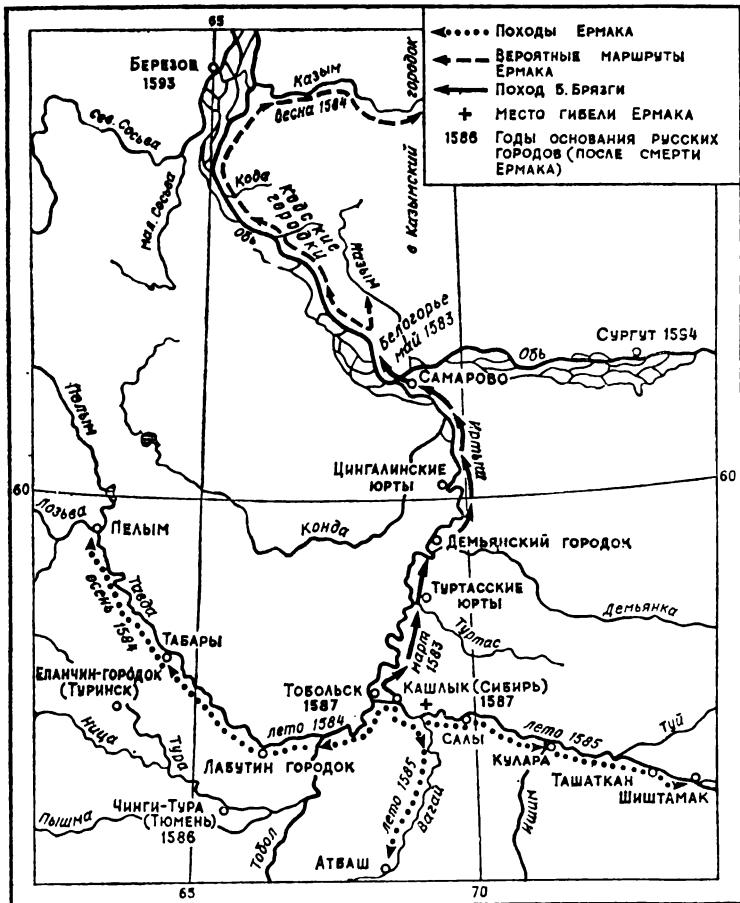


Схема 2. Походы Ермака и Б. Брязги

Удача выпала и на долю посольства к «благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси самодержцу».

Двадцать пять человек под предводительством Черкаса Александрова отправились в долгий путь в Москву.

Версия, по которой посольство это возглавлял атаман Иван Кольцо, в последние годы пересмотрена. Иван Кольцо, объявленный за нападение на царского посланника «вором», вряд ли мог надеяться на снисходительное отношение в Москве. Повезти благую весть в столицу Ермак поручил человеку молодому, по-видимому, хорошему собой и речистому, способному понравиться государю, четко и ясно поведать ему о сибирском «житии», о нуждах отряда. Судя по всему, Черкас Александров этими качествами обладал, умел расположить к себе и живо обрисовал тяготы похода, убедил царя, что люди, совершившие такой подвиг, достойны прощения за прошлые свои прегрешения, совсем незначительные по сравнению с содеянным ими в Сибири.

Иван Грозный весть о покорении новых земель принял благосклонно, заинтересованно расспрашивал о сражениях с татарами, об обычаях сибирских народов. Огромная территория могла присоединиться со временем к Руси, и царь предвкушал, как преумножится могущество государства. Если раньше в Москве с недоверием относились к успеху возможной экспедиции в Сибирь и, узнав о выступлении Ермака, послали Строгановым письмо с угрозами, то теперь здесь оценили то значение, которое мог иметь для будущего страны этот беспримерный по своей смелости поход.

Для того чтобы казаки закрепились в далеком краю, царь повелел послать на подмогу Ермаку хорошо вооруженный отряд уже в ближайшее время.

Для организации его требовалось несколько месяцев, и, по существу, этот поход, решение о котором было принято осенью 1583 года, проходил бы зимой. А это в си-

бирских условиях, при полном отсутствии дорог, при недоступности уральских перевалов, покрытых снегом и льдом, представлялось невозможным. Строгановы, которым поручалось послать людей на помощь Ермаку, получили указание отложить новую экспедицию. Ибо, как говорилось в послании Ивана IV, «ныне до нас слух дошел, что в Сибири зимним путем на конех пройти не мочно».

Черкас Александров блестяще справился с миссией, возложенной на него Ермаком. Наверное, атаман в глубине души и не надеялся, что царь окажет его людям такое внимание, выполнит просьбы казаков. Содержались дружинники в Москве на казенный счет, всем участникам экспедиции в Сибирь, в том числе и «ворам», которым угрожала смертная казнь, попадись они в руки властям, Иван IV даровал прощение. Ермаку он велел прибыть в Москву. Царь послал жалованье атаману, тем самым признав, что он находится на государевой службе. По преданию, Иван Грозный вместе с золотыми отправил Ермаку и шубу со своего плеча, два панциря.

А между тем атаман, ожидая известий из Москвы, медленно, но настойчиво и последовательно расширял сферу своего влияния на земле Сибирской. И этому в немалой степени способствовала не только разобщенность между отдельными племенами, зачастую их враждебность к Кучуму, но и отношение казаков к коренному населению, вызывавшее уважение к ним. Все разнообразнее становилась помощь, которую оказывали Ермаку князья. Сибирский хан лишался поддержки все новых племен, и его первоначальные расчеты на то, что они дружно встанут против чужеземцев, провалились.

Несомненно, атаману пришлось бы значительно сложнее, если бы те племена, с которыми у казаков установились добрые отношения, представляли для дружины постоянную угрозу, чинили препятствия любому памерению Ермака.

То, что русские никого не дают в обиду без повода,— это уже ощутили на себе местные жители, привыкшие к непрестанным междоусобицам и постоянной подозрительности, всегда ожидавшие от незнакомых людей самого худшего. Смирившиеся с деспотизмом и гнетом Кучума, они теперь убеждались, что на доверие пришельцы отвечают доверием, что власть их держится не только на силе, но и на уважении к их воинам и шаманам, женщинам и детям, что к их богам чужеземцы относятся без неприязни, снисходительно, не велят уничтожать идолов, не высмеивают их веру.

В фольклоре местных народов сохранилось немало преданий о миролюбии атамана, о его стремлении жить в дружбе и согласии с ними. В одном из преданий, например, говорится, что когда дружинники пришли в поселок хантов, то они не воспользовались оружием, не стали насильственно принуждать подчиняться им, а обратились к самым уважаемым людям в поселке с предложением добровольно признать власть Ермака. Русские терпеливо ждали, пока шаманы вопрошали богов, принять ли необычное предложение пришельцев или защищаться. Шаманы, удивленные таким миролюбием незнакомых им людей, долго советовались, обсуждали знамения, посланные богами, и наконец мудро согласились жить с русскими в дружбе.

С каждым месяцем росло число союзников атамана. Вместе с Бояром и Алачеем были «верны велми» и мансийские князьки Ишбердей и Суклем. Они пришли к Ермаку по своей воле, без принуждения. Им хотелось завязать дружеские отношения с людьми, которые сумели победить ненавистного им хана. Атаман высоко оценил их поступок, тем более что он знал — владения этих князьков находятся за Яскалбинскими болотами. Путь туда неблизкий, опасный, и вряд ли дружинники сами отправились бы за ясаком в эти труднодоступные места. Так что Ишбердей и Суклем были бескорыстны

в своем стремлении наладить отношения с русскими. В летописных сказаниях упоминается о том, что эти новые союзники атамана дали ему необходимые сведения о территориях, прежде ему неизвестных, помогли установить контакт с другими мансийскими князьками, которые также признали Ермака.

Ладил атаман и со многими татарскими предводителями, педовольными Кучумом. Важную услугу оказал Ермаку мурза Сенбахта Тагин. От него были получены сведения о местопребывании Маметкула. Племянник хана находился в низовьях Вагая, впадающего в Иртыш. Посланные Ермаком за 100 верст казаки получили от атамана приказ взять царевича живым, вреда ему не причинять, целым и невредимым доставить в Кашлык.

Дружинникам удалось незамеченными подойти к кочевью, снять стражу. Маметкула, востигнутого врасплох, взяли в плен и доставили к Ермаку. Атаман принял его с почетом, высказал уважение храброму татарскому воину. Впоследствии атаман отправил Маметкула в Москву под охраной Ивана Киреева, прибывшего со стрелецким отрядом. В Москве Маметкул быстро освоился и до конца своих дней оставался в России, участвовал во многих боях во славу русского оружия, дослужился до звания полкового воеводы.

Лишившись самого опытного своего военачальника, Кучум оказался перед серьезными проблемами. Волевой и крутой племянник хана вызывал у окружения Кучума страх, все боялись, что в случае измены на них обрушится не только гнев стареющего правителя, но и карающая рука Маметкула, скорого на расправу. Теперь, уже не опасаясь мести царевича, придворные осмелели, начали разбегаться. Велика Сибирь, от гнева Кучума можно было укрыться на ее просторах, сколачивать союзы между собой, вести борьбу за захваченные Ермаком их бывшие владения, утверждать свое влияние, отнимая у соседних мурз их улусы.

Словом, с пленением Маметкула междуусобная борьба среди придворной знати Кучума разгорелась с новой силой. Даже его высший сановник — карача (визирь) и тот отступился от хана. Правда, как потом выяснилось, эта измена была лишь началом его хитрой и коварной игры, когда он в зависимости от обстоятельств делал вид, что верен Ермаку, или доказывал свою преданность Кучуму, заманивая казаков в западню и вероломно устраивая массовую резню.

Карача — главный советник хана, его правая рука, был представителем одного из самых могущественных и знатных родов, и его уход нанес большой урон Кучуму.

Карача разбил свои кочевья в верховьях Иртыша. Здесь он собирал войско и строил планы, как бы ему силой или коварством сокрушить Ермака. Атаман лишил визиря его улуса. Зимовал Ермак не в Кашлыке, мало приспособленном для того, чтобы сразу несколько сотен казаков могло располагаться в нем, не боясь нападения, а в Карачином городище, недалеко от устья Тобола.

Место это было легче защищать от врагов, решивших теперь, что если не удалось разбить русских сразу, то надо приготовиться к длительной осаде и постепенно, шаг за шагом, добиваться преимущества.

Разведка доносила Кучуму, что положение пришельцев ухудшается. В постоянных, хотя и мелких, стычках Ермак терял людей. Сказывались и суровый климат, нехватка продовольствия, цинга, другие болезни, против которых казаки были практически беспомощны.

Среди татар распространялся слух, что скоро ружья иноземцев замолкнут и тогда казакам придет конец. Действительно, боеприпасов почти не оставалось. Ермак с тревогой думал о том, что случится с отрядом, когда иссякнут порох и свинец. Оставалось ждать помощи из Москвы, но когда она придет и придет ли во-

обще — приходилось гадать. Сочтет ли Иван IV необходимым помочь отряду?! И эта неизвестность мучила, заставляла искать выход из положения, которое со временем могло стать безнадежным.

Каждый человек был у Ермака на счету. Мало, очень мало оставалось людей, и без подкрепления из столицы дружина была обречена, рано или поздно пришлось бы отступить или сложить здесь головы.

Но Ермак, человек деятельный и волевой, был не из тех, кто полагается на волю случая и ждет благоприятной ситуации. Не в его обычае было сидеть сложа руки.

С частью казаков атаман отправился в Пелым. По самым многонаселенным районам Сибири проходил путь. Судя по летописным сведениям, конечной целью Ермака было вернуться «вспять на Русь». Но для того чтобы очутиться в родных местах, атаман, несомненно, выбрал бы дорогу более знакомую и безопасную, через районы, которые населяли племена, уже не раз доказывавшие, что они дружелюбно настроены к русским. Он же предпочел маршрут незнакомый, с Тобола на стругах добрался до Тавды, где проживали мансийские племена.

Этот поход Ермака еще раз показал, что атаман не только думал о своей дружине, но и мыслил как человек с широким кругозором, заботившийся о будущем того дела, у истоков которого он стоял.

Ермак искал самую удобную дорогу на Русь. Его разведывательный бросок был предпринят для того, чтобы найти кратчайший путь из Пелымского княжества в привычные ему и знакомые места. Ведь отсюда не раз совершались набеги на пермские вотчины Строгановых. Казаки знали, что из Пелыма путь до Руси сравнительно недолог. Но как найти этот путь? Вот это и предстояло выяснить, чтобы облегчить в будущем дорогу домой и дружине (не век же оставаться казакам на чуж-

бине), и другим землякам, тем, кто придет в Сибирь по его, Ермака, следам и его товарищей.

В пелымской экспедиции атаман почти с самого начала столкнулся с трудностями. Чуть ли не каждый день происходили стычки с мансийскими племенами. Казаки несли потери, и, чем выше по Тавде поднимались струги, тем больше боевых соратников лишался атаман. Стоило ли и дальше рисковать жизнью ставших такими близкими ему людей, думал Ермак. Редел его отряд, и задача, поставленная им, представлялась теперь невыполнимой.

В Пелыме со страхом следили за продвижением казаков. Князь Аблегириим часто во главе своих воинов обрушивался на приуральские поселения, сея за собой смерть. Испушенный в битвах мансийский князь укреплял городище, прикидывал, как выдержать натиск русских.

Наверное, он испытывал чувство, близкое к разочарованию, когда узнал, что столь тщательно готовившаяся им оборона Пелыма напрасна. После тяжелого раздумья, поговорив с казаками, Ермак воздержался от штурма городища. Захват Пелыма мало что давал ему, а вот риск был велик — в битве с закаленными мансийскими воинами и без того поредевший отряд подсчитался бы еще многих казаков.

При возвращении Ермака беспокоила мысль о том, что не удалось ему найти дорогу из Пелыма на Русь. Взятые в плен манси хранили свою тайну, уверяли Ермака в том, что он ошибается. Нет отсюда пути в Пермские края, а как добирались туда участники набегов из Пелымского княжества, им неизвестно. Шаманы приносили самые страшные клятвы, чтобы убедить атамана в своей правдивости. Ермак, часто беседовавший с ними, удивлявшийся их обширным познаниям, их умению тонко чувствовать природу, сейчас не верил им. Но мансийские жрецы, всячески демонстрируя ему уважение и

предрекая славные победы над сибирским ханом, оставались непреклонными и тайну дороги так и не раскрыли.

Сердиться на них атаману было трудно, ведь они — и это нельзя было не ощутить — искренне желали чужеземцам добра. Большинство манси с радостью встретили весть о победе Ермака над Кучумом. Атаман терпимо относился к их вере, а хан заставлял их поклоняться неведомому им богу, немилосердно обирал, жестоко притеснял. Уход Ермака означал для них возврат к старым временам. Пусть русские останутся с ними, пусть Кучум живет в постоянном страхе перед ними, пусть навсегда кончится его власть.

Вот этим и объяснялось упорное нежелание манси поделиться с атаманом сведениями о пути в Прикамье. Если бы Ермак располагал большим временем, то он разузнал бы все об этой дороге. Но надвигалась зима, и Ермак торопился попасть в Карачин городок до наступления морозов.

Разведает он дорогу позже, на следующий год. Однако возможность эта атаману так и не представилась. Уже после гибели его русскими был освоен путь из Пелыма в Пермские края.

На Карачином острове атамана после его возвращения из Пелыма ждали его товарищи. За время его отсутствия татары их особенно не беспокоили.

В ноябре 1584 года прибыла наконец долгожданная подмога. Она задержалась из-за смерти Ивана IV. Подкрепления намеревались выслать весной, но в марте после полувекового царствования Иван Грозный скончался. В Москве пытались скрыть это известие, боясь народных волнений, но предотвратить их боярам-опекунам не удалось. Срочно принесли присягу царевичу Федору, человеку, по отзывам современников, недалекому и слабоумному, мало приспособленному к делам государственным и до крайности суеверному. В столкнове-

ния между группировками знати, боровшимися за реальную власть при новом царе, вмешался народ. Простой люд предотвратил попытку одного из регентов — Богдана Бельского возродить опричнину. Уже в первые месяцы правления Федора Иоанновича, последнего русского царя из рода Рюриковичей, прежний вес стали приобретать бояре в отличие от неродовитых «выскочек», которых приближал к себе Иван Грозный.

За всеми этими событиями о намечавшейся экспедиции и не вспоминали. Отправилась она в путь с опозданием, собирали ее наспех. При снаряжении в дальнюю дорогу не позаботились даже о том, чтобы снабдить ратных людей теплой одеждой. Те, кто готовили их, плохо представляли условия, в которых придется жить стрельцам в Сибири. А сами служилые люди надеялись на то, что худо-бедно прокормятся в Кашлыке, добудут пищу охотой или отберут у местных жителей, как и было в обычаях того времени.

Трехсот стрельцов во главе с воеводой Семеном Дмитриевичем Болховским ждал восторженный прием у казаков. Продовольствия с собой служилые люди не привезли, зато теперь вновь появились у казаков боеприпасы в изобилии, вновь они могли использовать главное свое преимущество — огнестрельное оружие.

Болховский доставил Ермаку приказ — прибыть в Москву. Сообщил о том, что сам он не только возглавляет стрельцов, но и назначен воеводой Сибири.

Однако, когда первая радость от встречи улеглась, сразу возникли трудности. Где разместить триста человек?

Карачин остров — место удобное, здесь в теплых землянках холод переносить легче, чем в Кашлыке, окруженном рвом, располагавшемся на холме и открытом всем ветрам. Но Карачин городок не приспособлен для того, чтобы дополнительно принять такое количество людей. В срубах и землянках казакам и самим тесно. Да и за-

пасы у них бедные. А зима выдалась особо холодная. И скоро выяснилось, что стрельцы — люди гораздо менее закаленные и приспособленные к жизни в суровых условиях, чем казаки, с детства привыкшие к лишениям и тяготам почти непрерывных походов.

Большая часть прибывших разместилась в Кашлыке. Дружинники помогали им, чем могли, зачастую делились последним. Но не вынесли служилые люди лютых морозов, голода. Цинга и другие болезни безжалостно расправлялись с ними, и к концу зимы от стрелецкого отряда почти никого не осталось. Умер и Болховский, так и не успевший взять в руки бразды правления.

Отряд, призванный усилить дружину Ермака, к весне практически перестал существовать. Только немногие из оставшихся в живых стрельцов пополнили ряды казаков, тоже очень поредевшие за эту зиму. Трудно сказать, сколько оставалось человек у Ермака в последние месяцы его жизни. Вероятнее всего, около двухсот воинов, не больше.

Со времени вступления в Кашлык никогда еще не оказывался атаман в таком почти безвыходном положении. Враг, осведомленный о гибели стрельцов, готовился к новым боям и предвкушал скорую победу. В этих условиях Ермак и подумать не мог о том, чтобы явиться в Москву, как передал ему Болховский. Не имел права атаман бросить товарищей по суровым испытаниям, людей, с которыми сроднился. Именно сейчас он был им нужнее, чем когда-либо, этот опытнейший воин, умный политик, искусный дипломат, умевший склонить на свою сторону недругов, доблестью своей не раз заслуживавший их невольное уважение.

Но и у Ермака случались ошибки. Одна из них и произошла в это трудное для дружины время.

Дипломатия Ермака строилась на доверии, на его знании человеческой психологии. Если он полагался на кого-нибудь из своих новых союзников, приобретенных в Си-

бири, то чаще всего они не подводили его, честно выполняли условия договора.

А вот карачу Ермак не разгадал.

Вначале визирь сибирского хана открыто демонстрировал свое желание помочь казакам в их борьбе с Кучумом. Отколовшись от своего повелителя, предав хана, карача оказывал Ермаку мелкие услуги, доставлял в отряд продовольствие. Атаману было выгодно поддерживать контакты с таким влиятельным союзником. После того как Кучум лишился Маметкула, измена карачи стала для него самым чувствительным ударом. При сложившихся обстоятельствах, когда у него оставалось совсем мало людей, атаман не мог позволить себе отказаться от услуг карачи.

Ермак недооценил коварства визиря. Выступая против хана, тот вел свою игру. Но русских он ненавидел так же, как и хан. Уничтожив чужеземцев, он резко поднял бы свой авторитет среди татарской знати, и даже если бы в междоусобной войне с Кучумом победа ускользнула от него, все равно расправа с казаками покрыла бы перед ханом все его бывшие грехи. Изменив Кучуму, карача по отношению к казакам проводил ту же политику, как если бы оставался в стане хана.

Нелегкий совет выпал казакам на своем кругу. Как быть — поддержать или отказать в просьбе карачи выделить ему русских союзников для защиты от Казахской орды, которая якобы не давала покоя караче? Пусть ему помогут отпугнуть ордынцев, чтобы им неповадно было совершать набеги на кочевья визиря, а он, в свою очередь, не останется в долгу. Казаки благодаря ему будут сыты, он обеспечит им тылы, прикроет, если Кучум вознамерится пойти на Кашлык.

Отослать с гонцами отказ караче значило приобрести в его лице еще одного врага, а у казаков их и без того хватало. Впрочем, опасно было и идти навстречу поже-

ланьям карачи. Нет ли у него на уме хитрости, не хочет ли он извести казаков?

Наконец дружинники решили, что только Ивану Кольцо под силу справиться с этой задачей. Он не даст завлечь себя в ловушку, не позволит караче обманом причинить казакам вред.

Никому из товарищей Ермака и ему самому не пришла в голову мысль, что определенной поручкой честного выполнения договора карачей стали бы заложники. Так было принято в Сибири — если у кого появлялись сомнения в своем союзнике, то, направляясь к нему, требовали заложниками близких ему людей, чтобы обезопасить себя от возможного вероломства. Эта проверенная жизнью мера исключала, как правило, предательство и насилие. Но казаки то ли не знали об этом, то ли не сочли уместным выказывать так явно недоверие караче.

Сорок человек, которыми командовал Иван Кольцо, пришли на помощь караче в его кочевье у реки Тары. Татарский вельможа встретил их приветливо, но слишком поздно осознали казаки, что дни их сочтены. Усыпив их бдительность, воспользовавшись благоприятной минутой, когда дружинники забыли о своих подозрениях, татары, напав на гостей, перебили их. Ермак потерял самых испытанных своих воинов, не стало и одного из ближайших его сподвижников.

Ликующий карача спешил закрепить успех, использовал малейшую возможность, чтобы наносить хотя бы небольшой урон отряду, выводить из строя одного казака за другим. Ермак посылал своих людей в далекие поселения татар, хантов, манси. Дружинники разведывали местность, собирали ясак, доставляли своим товарищам еду. Караче не составляло особого труда расправляться с ними.

Теперь, подсчитывая, сколько воинов остается у Ермака, визирь не сомневался, что его тактика очень скоро принесет свои плоды. Поэтому он не торопился с решаю-

щим боем, а выжидал, призвав себе в союзники время. Пусть казаки слабеют, теряют людей, это облегчит его задачу.

Отныне дружинники были обречены на голод. С наступлением весны они перебрались в Кашлык, и тут их окружили войска карачи, отрезав путь к поселкам, где жили союзники Ермака. Визирь не позволял местным князькам, остававшимся верными атаману, прийти ему на выручку.

Среди осажденных в городке скоро начался голод. Отдельные вылазки дружинников татары пресекали. Дни проходили, а положение не менялось. Карача торжествовал — все лазейки в Кашлык перекрыты, чужеземцам грозит верная гибель — от голода или от татарских сабель.

Но в начале мая ночью Матвей Мещеряк вместе с группой смельчаков прорвал окружение и совершил набег на Саусканский мыс неподалеку от Кашлыка. Здесь располагался карача со своими главными силами. Мощный оружейный огонь вынудил визиря отступить. При бегстве он потерял многих воинов, в том числе и двух своих сыновей.

Карача быстро оправился от испуга, собрал новый отряд и снова потерпел поражение. Осаду Кашлыка ему пришлось снять. И сразу в сибирскую столицу потянулись продовольственные обозы верных союзников Ермака.

Для казаков на короткое время наступила передышка. Долго длиться она не могла. Встревожило Ермака сообщение о примирении Кучума и карачи, теперь вместе строявших планы против отряда. Объединенные силы татар теперь, когда от дружины так мало осталось, представляли грозную опасность. Им ничего не стоило напроць запереть казаков в Кашлыке, окружить их таким плотным кольцом, что прорваться через него будет невозможно.

Следовало взять инициативу в свои руки, предотвратить возможность окружения. Предстояло и сделать запасы на ближайшее будущее. Коротко сибирское лето, следует заранее подготовиться к зиме. Гибель стрельцов Болховского послужила печальным уроком для казаков. Вывод для себя должны были сделать и власти в Москве, снаряжая новый отряд в Сибирь.

А пока атаману предстояло самому позаботиться о будущей зимовке, пройти по улусам, найти союзников, а врагов уничтожить. Чем быстрее будет передвигаться отряд, чем неожиданнее будет его маршрут, тем опаснее он станет для противника, тем меньше он даст ему шансов устроить западню, воспользоваться своим численным преимуществом.

Тем более что подходящий случай для такого похода представился. Не догадывался Ермак, что Кучум и карача готовят ему ловушку, что его благородный порыв помочь бухарскому торговому каравану приведет к катастрофическим последствиям.

Гонец сообщил атаману, что в Кашлык направляется караван бухарских купцов, но хан не пропускает их, и они просят русских заступиться, не дать в обиду, не мешать каравану, который держал путь на Русь.

Ермак более чем со ста казаками поспешил на подмогу купцам. Они славились в России как люди оборотистые, предприимчивые, доставляли товар ценный, экзотический, идущий нарасхват. Торговля их на родине атамана всячески поощрялась.

Быстро, не задерживаясь в пути, продвигался вперед Ермак. Татары изредка беспокоили отряд, но мелкие стычки заканчивались бегством врага, не принося значительного ущерба ни одной из сторон. А вот у Бегишева городища Ермака ждало серьезное испытание. Князь Бегиш собрал здесь крупные силы. Подробного описания этого боя летописи не сохранили. Ермак взял городище и, отдохнув здесь, теперь с трудом продолжал проби-

ваться к купцам. Иногда отряду оказывали упорное сопротивление, но случалось и так, что князьки предпочитали не испытывать на себе силу русского оружия.

Среди них был и князь Елыгей. Ермаку, вошедшему в городище Тебенди, он покорно принес обычный ясак — собольи шкурки и продукты. И почему-то привел с собой красивую девушку. Удивился атаман, услышав, что дарует ему Елыгей и свою дочь, чтобы расположить к себе грозных пришельцев. Привыкший к нравам местной знати, Елыгей сам в свою очередь удивился, когда атаман тактично, но решительно отказался от этого необычного подарка. Ермак и своим товарищам наказал, чтобы не обижали они никого из жителей, уважали их и их обычаи.

С первого же дня в Сибири атаман с интересом знакомился с бытом местных племен. Особенно часто ему приходилось бывать в поселениях хантов. Их основной едой была рыба, которую заготавливали впрок, используя сети из ивовых прутьев, крапивного волокна, плетеные ловушки, загромождения из кольев. На уловы не жаловались, добывали здесь осетров, нельму, налимов, стерлядь, окуней, щук.

Рыболовство занимало важное место в жизни хантов. По преданиям, старших сыновей хантских богатырей называли «в воду входящими и рыбу крючащими богатырями».

Повсеместно была развита и охота. Лук и стрелы с костяными, деревянными и железными наконечниками — с помощью этого нехитрого снаряжения промышляли белок, соболей, лисиц. И не только на пушных зверей охотились, но и на оленей, лосей, медведей. А летом ловили сетями, силками птицу — глухарей, тетеревов, рябчиков, уток, гусей.

В отличие от манси, строивших срубные дома, ханты зимой чаще всего жили в лесах в полуземлянках, имевших форму усеченной пирамиды. Их называли мыгхот

(земляной дом). В четырехугольную яму глубиной около метра, вырытую в земле, опускали наклонные столбы, соединенные сверху перекладинами, образующими квадрат. Из жердей сооружалась крыша, сбоку к перекладинам приставляли бревна, служившие стенками. В этом помещении, которое покрывалось землей и дерном, окна заменяли отверстия в крыше. Сюда же выходил и дым из очага. Возле этих полуземлянок в деревянных амбарах на высоких ножках хранилась пища.

А летом ханты жили на берегах рек и озер в берестяных переносных юртах.

В этих юртах Ермака часто ожидал радушный прием. И сейчас, почти после трех лет жизни в Сибири, он мог убедиться, как много друзей приобрели казаки среди простых людей, видевших в них избавителей от гнета деспотичного хана.

Впрочем, и врагов оставалось достаточно. Врагов могущественных, строивших планы мести.

Хотя от дружины Ермака осталась лишь малая ее часть, татары не осмеливались пока дать решающий бой. Они не только пытались обескровить отряд в мелких стычках, но и ждали, когда у казаков иссякнут боеприпасы. Порох у них подходил к концу, каждый выстрел был теперь на счету.

Одна из таких стычек закончилась для врага поражением, но вселила в него новые надежды. Засада была устроена недалеко от городища Тебенди, в том месте, где Ишим впадал в Иртыш. Казаки дрались «не оружием, но руками, кто кого может». Берегли порох, знали, что впереди новые бои, что самые тяжелые испытания еще предстоят. Без того преимущества, которое давало малочисленному отряду огнестрельное оружие, он был обречен на гибель. В рукопашной схватке численное превосходство врага рано или поздно должно было сыграть решающую роль.

В этой стычке погибло пять казаков и значительно больше татар, но Ермак не чувствовал себя победителем. Силы противника пополнялись в каждой волости к сторонникам Кучума присоединялись новые воины, а ряды казаков редели. Только смелость, решительность могли спасти их. Надо было продержаться как можно дольше, вслед за отрядом Болховского придет еще один, в этом дружинники не сомневались.

Они продолжали продвигаться с боями на юго-восток в поисках бухарского каравана. Дошли до урочища Кулары. Защитники крепости надеялись не столько на свою силу, сколько на естественные укрепления и несколько дней успешно отбивали атаки казаков. Ермак стоял перед выбором — или и дальше, теряя людей, штурмовать урочище, или обогнуть его, оставив татарских воинов, укрывшихся в Куларах, у себя в тылу. После раздумья атаман дал команду двигаться дальше, к реке Шиш.

Противник ликовал. Пришельцы, отличавшиеся певданым упорством в боях, теперь отступили, примирились с неудачей. Это придало татарам уверенности. Они повсюду распространяли весть о том, что силы чужеземцев на исходе. Татары внимательно следили за отрядом.

Но казаки продвигались вперед не только с боями. Встречали они и миролюбиво настроенных местных жителей, которые не оказывали сопротивления, а принимали их радушно, делились своим скудным пропитанием, желали удачи чужеземцам, которые спасли их от ига Кучума. Так было и в Шиштамаке, на окраине Сибирского ханства. Сюда, в Туралинскую волость, не так часто добирались ненасытные даруги, потому что знали — что возьмешь с людей, которые сами живут впроголодь, в беспросветной нужде. Атаман не взял с жителей Шиштамака ясака и вежливо отклонил их скудные дары. Были среди этих людей и бывшие воины, не желавшие больше сражаться на стороне Кучума и карачи. В свое время призванные под знамена хана, они спаслись бегством от

Ермака и теперь опасались, что дружинники станут мстить им. Но атаман не обидел ни одного из них, видел, «яко зело скудные, и ничем не вредиша им».

В Туралинской волости Ермак пробыл несколько дней и затем повернул обратно к Кашлыку. Он и так далеко отклонился от первоначального маршрута в поисках бухарских купцов, следы которых затерялись. Теперь предстояла дорога в столицу ханства. Во что бы то ни стало надо было закрепиться здесь, выждать какое-то время. Придет подкрепление, и тогда можно будет отправиться домой, в Россию.

На обратном пути татары редко беспокоили дружинников. Шли быстро, там, где представлялась возможность, собирали дань продовольствием. Готовились к новой зимовке, наверное последней в Сибири. О бухарских купцах уже и не вспоминали — видимо, не судьба встретиться. А может, и не было купцов, может это уловка противника, чтобы выманить казаков из Кашлыка.

Чем ближе подходили к столице, тем чаще попадались рыбаки, охотники, которые говорили, что видели бухарцев на Вагае. Вначале Ермак не придавал значения этим сообщениям, достаточно с него поисков неуловимых купцов. Но вот еще один встречный убеждал его, что ждут бухарцы подмоги, что добрые товары везут с собой и боятся, как бы татары не ограбили их. Помощь бухарским купцам стала бы актом не только благородным, но и прибыльным. Казаки за долгие месяцы похода ничем не разжились, бедными уходили из родной земли и бедными возвращались на родину. На царские милости мало надеялись. А купцы могли щедро наградить, да и в Москве за них слово замолвить. Не так уж много заступников окажется у казаков, среди которых есть «воровские» люди, дома. Лишнее слово в защиту не помешает. Итак, надо выручать купцов.

Были ли сомнения у Ермака? Наверное, были. Он уже раз поверил слухам о купцах. Не получится ли и сейчас,

что татары придумали эту историю с бухарцами, чтобы заманить его в ловушку. Впрочем, вся жизнь казаков в Сибири была полна неожиданностей. Почти каждый день чуть ли не на каждом шагу поджидала их западня, и не раз попадали они в хитро расставленные сети. В незнакомой стороне, в окружении множества враждебно настроенных людей ощущение постоянной опасности не покидало казаков.

Они привыкли к ней и смело шли ей навстречу. Легче встречать врага лицом к лицу, чем прятаться от него, избегать столкновений. Весь их боевой опыт учил казаков, что осторожность полезна, но одной только осторожностью победы не добьешься, без риска успеха не бывает.

Решили снова попытаться вызволить купцов, с Иртыша повернули на Вагай. Плыли без происшествий, никаких признаков готовящегося нападения не замечали. Да и как было заметить, если лаутчиков татар скрывали леса, болота. Кучум и карача с облегчением следили за передвижением дружинников. Кажется, обман удался, засада подготовлена.

В поисках купцов струги добрались до урочища Атбаш, однако и здесь не обпаружили торговый караван.

Вечер 5 августа 1585 года выдался прохладным, дождливым. Остановившись на ночлег на берегу Иртыша у устья Вагая, казаки, уставшие от долгого перехода, понадеялись на то, что в проливной дождь татары и не помыслят о нападении.

Предполагал ли Ермак, что татары могут воспользоваться непогодой и нанести удар, позаботился ли он о дозоре, о том, чтобы не быть застигнутым врасплох врагом?

В исторической литературе распространено мнение, что в эту последнюю в своей жизни ночь атаман проявил непростительную беспечность, позабыл о самых простых правилах предосторожности, что он знал о близости вра-

га, но, как бы утомленный жизнью, погрузился в глубокий сон со своими удалыми витязями, без наблюдения, без стражи.

Но, думается, правильнее сказать, что атаман все же принял меры для охраны отряда, выставил караульных. Это отмечал голландский географ Николай Витсен. В своей книге «Северная и Восточная Татария», вышедшей в конце XVII века, он сообщил немало сведений о Ермаке, заслуживающих внимания. По его данным, двое стражников оставались в дозоре.

Атаман ни на минуту не забывал, конечно, о коварстве Кучума и его приближенных, которые спешили воспользоваться малейшей оплошностью дружинников. Сколько боевых товарищей они потеряли при рыбной ловле на озере Абалак! А ловушка, в которую завлекли Ивана Кольцо?!

Нет, недооценивать такого врага Ермак не мог.

И все же непоправимое произошло. Оплошность дозорных, заснувших на посту, привела к гибели атамана. Совсем иначе могла сложиться судьба Ермака и его отряда, если бы караульные добросовестно выполнили свой долг, оставались верны той железной дисциплине, которую насаждал атаман, вовремя подняли тревогу. Без той дисциплины, которую поддерживал атаман, отряд давно был бы обречен на гибель в окружении врага. А дозорные в эту ночь изменили заповедям своего вожака, легкомысленно решив, что в темную, ненастную ночь они и их товарищи в полной безопасности.

Кучум считал иначе. Правда, как гласит легенда, он все еще испытывал колебания, не уверенный в том, что даже в такой благоприятной обстановке для внезапной атаки сумеет уничтожить наконец отряд. Не раз ведь хан убеждался, что при совершенно безнадежном положении русские поворачивали ход событий в свою пользу.

Хан послал лазутчика, за какую-то провинность ожидавшего смерти. Ему поручили выведать обстановку в

лагере. Прощение, обещанное ему, было слабым утешением для разведчика: задание, которое он получил, почти неизбежно грозило гибелью. Однако казаки крепко спали, и никто не задержал татарина. Он захватил с собой пищали и сумки. Это убедило Кучума в том, что русские спят, что ночное нападение сопряжено с минимальным риском.

Внезапная атака под дождем застигла казаков врасплох, и, прежде чем они опомнились, многие сложили головы. Нападающие сразу устремились к стругам. Захватив эти суда, они перерезали бы путь дружинникам к отступлению. Пока его товарищи пробивались к берегу, Ермак прикрывал их с тыла.

В разных источниках по-разному рассказывается о гибели атамана.

По татарскому преданию, в единоборство с ним вступил самый прославленный воин сибирского хана Кутугай. Они встречались не первый раз. Одно время татарский богатырь находился в плену у Ермака. Атаман не проявлял к нему враждебности, говорил с ним уважительно, расспрашивал его о Кучуме и отпустил воина «чесно», отправив вместе с ним хану дары. Кутугай, приехав к своему повелителю, поведал ему о диковинках, видеанных у русских, об их устрашающем оружии, выбрасывавшем огненные стрелы, и восхвалял «Ермакову добродетель».

Теперь они схватились не на жизнь, а на смерть. Татарский воин с копьём настиг атамана, прыгнувшего в струг. Тут и сразились они друг с другом. Ермак стал одолевать противника, но у атамана внезапно развязался ремень шлема, он получил удар копьём в горло, упал в воду и утонул.

По этой версии, бой продолжался недолго. Ошеломленные стремительным нападением, дружинники так и не оправившись от неожиданности. Ни о каком организованном сопротивлении и речи не могло быть, все про-

изошло в считанные минуты. Казаки беспорядочно отступали. У татар потери были небольшими.

А по другим сведениям, эта схватка длилась «время немалое». Ермак и его дружинники сражались отчаянно. Битва с ними стала последней почти для семидесяти воинов Кучума. Погибли мурза Булат и другие приближенные хана, брат его жены.

Атаман бился рядом с десятником Гаврилой Ильиным, тем самым, который через много лет утверждал, что 20 лет «полевал» с ним. Грозным оружием в руках богатырски сложенного Ильина стал топор, крушивший врагов. Гавриле удалось пробиться к стругу.

А вот Ермаку не повезло. Впрыгивая в лодку, он оступись, так как струг качнуло на волнах, упал в воду и не сумел выплыть.

Есть еще варианты — Ермак, перед тем как погрузиться в воду, расшиб себе голову. Писали и о том, что атаман вообще не коснулся струга ногой, не сумел допрыгнуть до него, а попал в воду на глубоком месте и, имея на себе два панциря, железные нарукавники, как камень погрузился на дно.

Об этом — строки знаменитой баллады К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака»:

Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя
Стал гибели его виною.

По Ремезовской летописи, «Ермак же, видя своих убиение и помощи ни откуду животу своему, бежа в струг свой и не може скочити, бе одяен двема царскими пансыри, струг же отплы от берега и, не дошед, утопе месяца августа в 6 день»¹.

¹ Сибирские летописи. С. 344.

По-видимому, эта версия ближе всего к истине. У. М. Ремезов черпал свои сведения непосредственно у участников сибирской экспедиции, и вряд ли соратники Ермака могли быть неточны, вспоминая о смерти любимого атамана. Обо всем этом и поведал сын Ульяна Моисеевича Ремезова Семен в летописи, названной Ремезовской.

«И ПО СМЕРТИ НАШЕЙ... СЛАВА НАША ВЕЧНА БУДЕТ»

Через восемь дней, как рассказывал Ремезов со слов калмыцкого тайши Аблая, 13 августа на Иртыше у Епанчинских юрт, примерно в сорока верстах от устья Вагая, «Яныш Бегишев внук» ловил у берега рыбу и вдруг заметил в воде человека. В те дни течением Иртыша к юртам пригоняло немало трупов татар и казаков. Надеюсь, вероятно, на добычу, на одежду и сапоги с утопленника, Яныш «петлею переметною... за поги извлече» казака на берег и тут увидел, что перед ним не простой воин. Панцири были по средствам людям очень состоятельным. И такой роскошной саблей тоже не мог владеть рядовой казак, только предводитель.

Среди татар, сбежавшихся по зову Яныша на берег Иртыша, находился и мурза Кайдаул. Он сразу признал в утопленнике Ермака.

Эта радостная весть мгновенно разнеслась среди татар. Из окрестных поселков и далеких улусов приходили в этот и последующие дни ордынцы, чтобы полюбоваться на поверженного врага. Каждый вонзал в Ермака, лежавшего на возвышении, стрелу. По татарскому преданию, которое приводит Ремезов, в течение шести недель длились торжества, связанные с победой над чужеземцами. И все это время из тела Ермака «кровь свежа те-

чаще... яко из живаго», а птицы, атамана «облеташа, не смея прикоснуться ему».

На первый взгляд сведения, сообщаемые С. Ремезовым, выглядят сказочными, выдуманнными, ни в малейшей степени не соответствующими действительности, создают впечатление, что летописец пытался причислить Ермака к лику святых. Но в трудах академика А. П. Окладникова многие кажущиеся невероятными факты оцениваются с точки зрения местных обычаев того времени.

Пускали стрелы в поверженного Ермака не потому, что в своем упоении победой мстили мертвому. Нет, стрелы у народов Сибири были своего рода дарами могущественным духам гор и пещер.

Ермак стал для врагов объектом поклонения, как их шейхи. На лабазе помещали умерших, которых почитали, наделяли чудодейственными качествами, считали людьми необыкновенной судьбы.

Понятно беспокойство суеверного Кучума и его окружения. Многим атаман «являлся в видении», целый и невредимый, грозный в своем величии.

Кучум решил, что только святые могут и после смерти оставаться непобежденными для своих недругов, внушать им страх и благоговение. И «нарекоша его богом» и похоронили татары Ермака на своем древнем, почитаемом всеми Баишевском кладбище, где хоронили людей знатных, известных своей набожностью, таких, как основатель шафийитского законовещения шейх Хаким.

Кучум устроил богатые поминки своему недавнему противнику. Для роскошного пира зарезали 30 быков и 10 баранов.

Но недолго покоились останки Ермака на Баишевском кладбище «под кудрявой сосной». С погребением атамана не прекратились чудеса, изумлявшие и пугавшие ордынцев. Все, кто дотрагивались до вещей, принадлежащих Ермаку, исцелялись от болезней, обретали удачу во всех своих начинаниях. Над его могилой «во вселенские су-

боты» появлялся огненный столб до неба, а в будние дни сияла свеча, неведомо кем зажженная.

По преданию, возмутились мурзы и представители духовенства, что человек не мусульманского происхождения почитается чуть ли не как святой. Они запретили упоминать имя предводителя чужеземцев и, дабы искоренить всякую память о нем, велели вырыть новую могилу, так, чтобы никому не ведомо было отныне, где покоятся его останки.

Цели своей мурзы и муллы достигли. Не раз предпринимались поиски места захоронения Ермака. Но могила атамана утеряна безвозвратно.

Интересна судьба боевых доспехов Ермака, в частности его панцирей, подаренных царем и привезенных Ч. Александровым. Некоторые современные историки вообще отвергают сам факт дарения, но никаких достаточно веских аргументов не выдвигают, отстаивая свою точку зрения.

Особое внимание проявил к судьбе панцирей С. Ремезов. В его летописи рассказывается о том, как распределил Кучум оружие и доспехи атамана, его одежду.

Панцири получили мурза Кайдаул и белогорский шаман для своего святилища. Затем отсюда один из панцирей перешел к кодскому князю Алачею. Сабля и пояс Ермака достались хитрому караче, заслужившему временно, до очередной измены, милость сибирского хана.

Среди местных племен панцири считались волшебными, и ходили слухи, что тот, кто обладает ими, — непобедим. Сын Кайдаула бережно хранил панцирь, не соглашался отдать его ни за какие деньги, хотя и предлагали ему богатые дары, целые стада верблюдов, лошадей, овец.

В середине XVII века мечта об обладании панцирем захватила калмыцкого тайшу Аблая. Отряды его представляли грозную силу, и поэтому с тайшой приходилось считаться. Потерпев сам неудачу и не сумев завладеть чудодейственными доспехами, он просил царя Алексея

Михайловича отнять или выкупить у сына Кайдаула панцирь и передать ему, Аблаю. Тайша задумал поход против казахов, и такой волшебный талисман, считал он, наделит его воинов неслыханной силой, принесет удачу.

Из-за такой незначительной просьбы не стоило портить отношения с тайшой, и царь велел раздобыть панцирь. Однако боярин Иван Андреевич Хилков со своей миссией не справился: ни деньги, ни угрозы не принудили бека Мамета расстаться с драгоценным достоянием.

Более удачливым оказался У. М. Ремезов, сумевший уговорить бека отказаться от панциря в знак уважения к русскому царю. Сын сотника Семен со слов отца дает в летописи описание панциря, сделанного на совесть, «мудростно».

Аблай был счастлив, что желанный талисман попал к нему в руки, и в благодарность рассказал Ремезову о том, как давным-давно нашли татары тело Ермака, как поклонялись атаману, погребли его. От тайши и попали эти сведения в летопись.

Однако недолго длилась радость Аблая. Как-то навестил его бек Мамет, посмотрел на панцирь и сказал, что он подменен, у него был другой.

В ярости тайша вновь обратился к царю, чтобы ему отдали настоящий панцирь Ермака. Его искали, но не нашли.

Вся эта история с розыском утерянного доспеха, которую отделяют от гибели Ермака чуть больше шести десятилетий, подтверждает, что панцири действительно существовали, иначе вряд ли царь Алексей Михайлович всерьез рассматривал бы прошение тайши.

Затерялся след и другого панциря, принадлежавшего князю Алачею. Правда, академиком С. В. Бахрушиным высказывалось предположение, что верхний панцирь П. И. Шуйского, находящийся ныне в Москве в Оружейной палате, когда-то принадлежал Ермаку.

В 1646 году карательная экспедиция из Березова близ устья Оби разбила «воровскую самуюдь». На одной из мишеней (бляшек) захваченного при этом панциря был вырезан двуглавый орел, а на другой — подпись Петра Ивановича Шуйского. Подобную бляшку с именем князя археологи нашли в 1915 году во время раскопок Кашлыка. В связи с этим была высказана гипотеза, что эту бляшку потерял с панциря Ермак, которому он принадлежал.

П. И. Шуйский был убит гетманом Радзивиллом в 1564 году. Панцирь воеводы, привезенный в Москву, одно время находился в царской казне. Предполагается, что Иван IV отдал ее Ч. Александрову для Ермака и в этих доспехах и погиб атаман.

Это всего лишь гипотеза. Но она представляет интерес, как и все, связанное с именем легендарного Ермака.

Со смертью его поход дружины в Сибирь практически завершился. В ночном бою на Вагае, где погиб атаман, вместе с ним нашли смерть и многие его товарищи. По Ремезовской летописи, спасся только один казак, который «утече во град» и сообщил в Кашлыке о гибели атамана. Но в Синодике ермаковым казакам приводятся другие данные. Очевидцы говорили, что часть отряда, сопровождавшая Ермака, спаслась и присоединилась к дружинникам, оставшимся в Кашлыке.

Сколько всего казаков пережили Ермака, судить трудно. В летописях говорится и о девяноста, и о ста пятидесяти дружинниках. Но во всех случаях их оставалось слишком мало, и не было у них никакого выхода — «против бусурманских сил стоять не кем, а живяще помрут гладом».

Наверное, только сейчас оценили казаки в полной мере личность атамана, своего предводителя, человека действия, не поддающегося колебаниям, бесстрашно встречающего опасность, негибаемого в своем служении долгу. В самые тяжелые минуты он умел подбодрить товарищей,

заразить их своим оптимизмом, внушить веру в благоприятный исход дела, повести за собой. Все важнейшие решения принимал войсковой круг, но душой его был Ермак, от его голоса зачастую зависело мнение дружинников, он приказывал, и ему подчинялись.

Теперь, оказавшись наедине с врагом без своего атамана, казаки дрогнули, растерялись. Да и как иначе — сейчас противнику нетрудно будет расправиться с остатками отряда. От местных жителей получили сведения, что недалеко уже сын Кучума Алей, что другие потомки знатных родов, например тайбугин Сейдяк (Сеид-хан), племянник убитого Кучумом хана Едигера, мечтают о том, чтобы воцариться в сибирской столице.

У Матвея Мещеряка, оставшегося во главе отряда, выбора не было. Без Ермака, без его редкого умения находить выход из самого трудного положения немислимо противостоять врагу. А обрекать себя на заведомую гибель никому не хотелось. Слишком много их боевых товарищей навечно осталось в могилах, вырытых на берегах Иртыша и Тобола, Туры, озера Абалак, вблизи Кашлыка и в других местах. А сколько верных друзей так и не обрели могилы, где они — об этом ведомо только быстрым сибирским рекам.

Да и какая польза от их гибели. «Сибирское взятие» состоялось, теперь другие должны прийти по их следам, закрепить то, что начал атаман.

На казачьем кругу решили возвращаться домой. 15 августа они «седоша в струги своя». Вместе с дружинниками отправились на родину и несколько десятков служилых людей, прибывших с Болховским. Их возглавлял Иван Васильевич Глухов.

На стругах доплыли до низовьев Оби, достигнув югорской земли, перевалили через Урал, вышли к Печоре и вернулись домой.

Казаки и стрельцы не знали, что на пути в Сибирь уже находился большой отряд в 700 человек. Воевода

Иван Мансуров спешил из Москвы на помощь Ермаку, о гибели которого ему еще было неизвестно.

Не найдя казаков, Мансуров, учтя печальный опыт отряда Болховского, основательно подготовился к зимовке, построил на правом берегу Оби у устья Иртыша Обский городок, ставший форпостом русских отрядов, которые в ближайшие годы один за другим прибывали в Сибирь. Сам Мансуров с ратными людьми, отразив несколько атак местных князей, скоро вернулся в Москву.

Сибирь, путь в которую открыл Ермак, осваивалась быстро. Вслед за Обским городком в 1586 году на берегу Туры был заложен город, который впоследствии получил название Тюмень. Его основал воевода Василий Сукин. Он прибыл сюда во главе отряда в 300 человек. Помощником у него, или «письменным головой», был Данила Чулков, чье имя тоже осталось в истории Сибири. С этим отрядом вновь оказались в знакомых местах бывшие дружинники Ермака, в том числе и Матвей Мещеряк.

Татары, жившие на берегу Туры, там, где находился когда-то городок Чинги-Тура, занимались земледелием, скотоводством. Они приветливо встретили казаков, согласились платить ясак.

Василий Сукин и те предводители отрядов из России, которые прибывали в Сибирь, унаследовали опыт Ермака, не притесняли аборигенов, прощали им недоимки, а то и вовсе временно освобождали от ясака. Как и атаман, справедливо считали, что с местными жителями следует поддерживать хорошие отношения, дружить, а не превращать их во врагов, искать в них себе союзников, покровительствовать тем князьям, которые устали от притеснений Кучума, всех, кто пытался возродить былое могущество Сибирского ханства.

А такие попытки предпринимались. Сразу после того как казаки в середине августа 1585 года покинули Кашлык, сюда вошел Кучум. Но старая междоусобица дала

о себе знать. Опять у хана начались распри с его приближенными. Закончились они тем, что столицу захватил Сейдяк. Кучума ему схватить не удалось, но он отомстил за своего отца Бекбулата и дядю Едигера, убив несколько сыновей хана.

Сейдяк чувствовал себя неуверенно. Он не осмеливался портить отношения с русским отрядом. Пятьсот служилых людей были присланы из Руси к Василию Сукину. По царскому указу предстояло построить город, который обеспечивал бы продвижение русских в глубь Сибири, позволил бы расширить государственные границы России.

Это чрезвычайной важности дело поручили Даниле Чулкову. Новый город Тобольск, разместившийся в 15 верстах от Кашлыка и поначалу состоявший всего лишь из нескольких деревянных построек, впоследствии стал главным административным центром Сибири, ее столицей в XVII—XVIII веках.

А пока Сейдяк беспокойством наблюдал за тем, как недалеко от Кашлыка появлялись деревянные строения, как постепенно рос укрепленный городок, представлявший для него опасность, угрожавший его власти.

В летописях по-разному излагается история пленения Сейдяка и карачи, который опять изменил Кучуму, переметнувшись на сторону его злейшего врага.

По одним сведениям, Сейдяк предлагал Даниле Чулкову начать торговые отношения, а на самом деле замыслил обмануть русских и взять Тобольск хитростью — днем торговать в городе, а на следующий день, усыпив бдительность его защитников, пойти на Тобольск приступом. В бою Сейдяк был ранен и попал в плен. В этом сражении погиб Матвей Мещеряк.

По другой версии, которая представляется более достоверной, Сейдяк с карачей охотились в окрестностях Тобольска. Данила Чулков пригласил их для переговоров, условившись, что с Сейдяком войдут в город только

сто воинов из сопровождавших его пятисот. Во время пира произошла размолвка. Сейдяка обвинили в нарушении присяги, которую дали русскому царю Едигер и Бекбулат. Сеид-хан оскорбился и в свою очередь стал обвинять русских. Когда в знак примирения ему предложили выпить за здоровье царя, он отказался от тоста, тем самым доказав, что он и его окружение «зло мыслят на государевых людей, на православных христиан».

Сейдяка и карачу связали. Татары, оставшиеся за пределами города, вступили в бой с его защитниками. Воины Давилы Чулкова одержали победу, но потеряли при этом многих храбрых товарищей, в том числе и Матвея Мещеряка.

Сейдяка отправили в Москву, здесь его встретили с почетом, наделили земельными угодьями.

Кашлык после этого опустел, и ничто не мешало русским отныне закрепить свои позиции в Сибири.

Строились новые города, крепости, укрепленные остроги, расширялись торговые связи, развивались ремесла, земледелие, некогда неведомые края заселялись русскими людьми. Местные народы дружески их встречали, признавали власть царя.

Все исследователи отмечают, что термин «завоевание Сибири», по существу, неверен, так как в основном присоединение ее шло мирным путем, колонизация, за редким исключением, не встречала упорного сопротивления. Аборигены не вытеснялись со своих земель, их не истребляли, как, например, это произошло с индейцами в Америке. Напротив, местные жители получили хороший стимул для того, чтобы усвоить более высокую материальную и духовную культуру, которую несли с собой русские люди. Народы, страдавшие раньше от непрерывных набегов с юга, подвергавшиеся постоянным унижениям, страдавшие от деспотизма ханов, теперь обрели в лице русского государства надежного защитника, помогали ему осваивать просторы Сибири.

Только Кучум не мог примириться с потерей ханства, с утратой своего могущества. Он был и оставался на протяжении длительного времени практически единственным непримиримым врагом русских и вновь и вновь сколачивал силы для борьбы. Он еще долго хитрил и действовал так, как считал для себя более выгодным, — то пытался сражаться с прибывавшими отрядами, то обращался в Москву с заверениями о своих мирных намерениях, а потом, забыв о них, вновь начинал вести борьбу за свою былую власть.

Служилым людям никак не удавалось «Кучума царя истеснить». Упорный, негиббемый старец — больной, почти ослепший — не прекращал борьбы и, терпя одно сокрушительное поражение за другим, изыскивал все новые возможности для продолжения схватки за власть, ставшую смыслом его жизни.

Чем дальше, тем больше становилась его изоляция, самые преданные ему люди изменяли хану, предпочитали присягать русскому царю и нести службу, которая обеспечивала им и богатство, и безопасность.

Мурзы, князья, мать плененного Маметкула, даже близкие Кучума отрекались от него, но все равно старый хан не изъявлял покорности и в своих посланиях гордо именовал себя «вольным человеком».

Ему не раз предлагали вступить в мирные переговоры. Царь Федор Иоаннович, Борис Годунов обещали ему свое покровительство, приглашали в Москву, соблазняя крупными земельными угодьями, намекали, что вновь могут облечь его властью в родных ему краях, если он признает себя безоговорочно подданным русского государства. Однако хан на переговоры не шел, а сам замыслил новые походы, намеревался захватить Тарский городок, построенный на Иртыше.

Кочуя в Барабинских степях, в бассейне Иртыша, Кучум сумел усилить свое влияние, смело нападал на улу-

сы, жители которых платили ясак царю, подчинил себе ряд татарских волостей.

Он умолял правителя Бухары оказать ему военную помощь, но его просьба отклика не получила, все понимали, что старый хан обречен. Кучум никак не мог примириться с мыслью, что у него нет настоящего, испытанного военачальника, и предпринимал безуспешные попытки вызволить из русского плена Маметкула, демонстрируя при этом полное раскаяние и давая обещание быть верным. В Москве, конечно, не верили хитрому хану, переменчивому, как флюгер, не принимали всерьез его слов о преданности и желании забыть старые распри. В просьбе вернуть племянника хану отказали. С Маметкулом Кучум несомненно начал бы новую широкую кампанию против русских отрядов.

Но и без Маметкула Кучум причинял немало беспокойства, становился все опаснее. И тогда против него из Тарского городка был брошен отряд под предводительством Андрея Воейкова. По разным сведениям, он имел в подчинении от четырехсот до тысячи человек.

Решающее сражение произошло 20 августа 1598 года на реке Оби в двух днях пути от озера Ика. В битве, длившейся от восхода солнца до полудня, Кучум потерпел сокрушительное поражение. Среди сотен воинов, которых он лишился, были князья, мурзы, его брат и двое внуков. В плен попали пять сыновей хана, восемь его жен, дочери, невестки, внуки.

Сам Кучум спасся. Гонимый всеми, престарелый хан еще некоторое время скитался. Одни говорили, что он подался в Ногайскую орду, другие — что он прячется у калмыков, кочевавших на озере Зейсан. Там его, старого, глухого, слепого, «безо всякого живота» (богатства), вскоре убили бухарцы.

А другая легенда гласит, что никуда он не удалялся, а умер в подземном замке на острове Золотой Рог, находившемся среди топких болот неподалеку от покину-

того всеми Кашлыка. Здесь будто бы хранились у хана огромные сокровища, и ослепшее «солнце вселенной» кончило свою жизнь в этом убежище, следы которого до сих пор не разысканы. Это одна из легенд, скрывавших тайну смерти Кучума, достойного противника Ермака.

В отрядах, сражавшихся с ханом после гибели атамана, насчитывалось немало сподвижников Ермака. Сибирь влекла их, хотя они и могли оставаться у себя дома. После возвращения в Россию их принимали довольно холодно, без той торжественности, которой был обставлен проезд в Москву Ч. Александрова. Но никаких гонений на казаков не было, разрешали им жить, кому где захочется.

Однако скучно было ветеранам дома. Трудности, лишения в Сибири сплотили их, и они вновь просились в далекий, суровый край. Многие провели здесь долгие годы, десятилетия. Ни одно значительное событие в жизни Сибири не проходило без их участия. Больше полувека провел здесь Черкас Александров, ставший «тобольского города атаманом».

Богата была приключениями и испытаниями биография Гаврилы Ильина, который указывал в челобитной грамоте в 1623 году, что отдал 42 года верной службе и не только отличился в походе с Ермаком, но и бился затем под началом воевод с врагами в разных местах, «ставил Тюмень, Тобольск, Тару, Пелым, Томск, собирал ясак с... татар».

Но, несмотря на такой послужной список, Гаврила Ильин не пользовался расположением властей. В 1632 году он возглавлял сотню казаков в Тобольске. Неизвестно, за какие провинности, но его хотели сместить и поставить другого сотника, боярского сына Богдана Аршинского. Тогда казаки, среди которых находились и бывшие товарищи Ильина, обратились к царю с прошением оставить сотником Гаврилу Ильина «за прежние их службы и за кровь».

Своего старого и заслуженного предводителя казаки отстояли.

Хотя ветераны похода всю жизнь отдали безупречной службе, они бедствовали. Довольствие их ничем не отличалось от жалованья новичков, бывшие заслуги дружинников в счет не принимались. Многие воины, уцелевшие в жестоких боях, принесших славу России, кончили свои дни в богадельнях, умирали в бедности.

Но еще при их жизни люди оценили значение подвига Ермака, предвидели, какое влияние окажет покорение Сибири на судьбы России.

Церковь, стремясь использовать огромную популярность в народе героя северной эпопеи, представила атамана божьим избранником. Сибирский архиепископ Киприан Старорусенков первым начал собирать материалы о походе. По его распоряжению был составлен Синодик ермаковым казакам, где приводились не только имена погибших, но и важнейшие события во время экспедиции. По Киприану, Ермак и его дружинники были христианскими подвижниками. Архиепископ установил в неделю православия «кликати им с протчими пострадавшими за православие вечную память».

С 1622 года, когда был составлен синодик, берет начало огромная литература о Ермаке, которому посвящено множество произведений разных жанров, научных исследований.

Об атамане и его дружине рассказывали не только летописи, народные предания, но и поэмы, пьесы, романы.

Одним из первых обратился к образу легендарного народного героя поэт И. И. Дмитриев, лучшие произведения которого создавались на стыке XVIII—XIX веков. В его поэме «Ермак» атаман предстает человеком необычайного мужества, бескорыстно осуществляющим историческую миссию, которую ему предопределила судьба.

В XIX веке о Ермаке писали многие выдающиеся русские поэты и прозаики, просветители. Проникновенные строки посвятил атаману А. Н. Радищев в своей поэме «Ангел тьмы».

Широко известна дума «Смерть Ермака» декабриста К. Ф. Рыльева. Герой его романтической думы — это личность, воплотившая в себе лучшие черты русского национального характера. Ермак Рыльева — истинный патриот, смелый воин, отдающий жизнь во имя высоких идеалов, «за Русь светлую погибая». Поэт-декабрист своим образом Ермака открыто звал современников к борьбе за Отечество, прославлял мужество, без которого нельзя сокрушить тиранию.

Дума Рыльева «Смерть Ермака» вошла в народный песенный репертуар.

Большой интерес к жизни Ермака проявлял А. С. Пушкин. Он просил своего сибирского знакомого В. Д. Сломирского выслать ему материалы о знаменитом атамане, о его экспедиции.

В. Г. Белинский решительно не согласен был с авторами, которые писали о Ермаке и его товарищах как о заурядных разбойниках, которым судьба и высокое покровительство повелели совершить подвиг. Как писал Белинский, «подвиги этих витязей... никогда не были запечатлены ни зверством, ни жестокостью: они были удалцы и молодцы, а не злодеи»¹.

Легенду о любви Ермака и татарской царицы положил в основу своей поэмы «Сузге» П. П. Ершов, автор «Конька-горбунка».

Небольшой рассказ для детей «Ермак» принадлежит перу Л. Н. Толстого.

А. К. Толстой в своем известном романе «Князь Серебряный» знакомит читателей с соратниками атамана, прибывшими в Москву, чтобы сообщить Ивану Грозно-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 439.

му о героизме Ермака и его дружины. И хотя писатель допускает ряд неточностей, в частности и он, как и историки его времени, считал, что посланцем Ермака к царю был Иван Кольцо, тем не менее в романе ярко раскрыта та атмосфера ликования, с которым была встречена в столице весть о ратном подвиге.

И в наше время созданы романы, поэмы, драматические произведения, героем которых является Ермак.

Обширна и живописна скульптурная галерея образа атамана. Первые рисунки появились спустя век после его гибели. Неизвестные нам художники руководствовались описаниями облика Ермака, которые попали в летописи со слов товарищей атамана.

В 1820 году совсем еще молодой К. П. Брюллов, ученик Академии художеств, работает над литографией «Ермак». Она была приложена как иллюстрация к «Летописям сибирским», изданным Г. С. Спасским, и к трагедии А. С. Хомякова «Ермак».

К легендарному образу атамана обратился в своем творчестве и ученик К. П. Брюллова В. Демидов, создавший немало полотен на историческую тему. О его картине «Последний бой Ермака» с похвалой отзывались современники.

Среди экспонатов Иркутского музея написанная около полутора века назад картина «Ермак». Это полотно знакомит с различными эпизодами из жизни атамана. А посередине картины — его портрет в шлеме и кольчуге. Предполагается, что автором этого полотна был художник из Тобольска М. С. Знаменский.

Но, пожалуй, самое известное и значительное из произведений изобразительного искусства, посвященных атаману и его дружине, — это грандиозная картина В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком».

Знаменитый художник, выходец из Сибири, не раз в кругу своих друзей с гордостью говорил о том, что его предки — донские казаки, пришедшие некогда в этот су-

ровый край вместе с Ермаком. Четыре года работал художник над картиной, побывал в местах, где проходили бои дружинников с татарами.

На полотне, неизменно привлекающем внимание не одного поколения посетителей Русского музея в Ленинграде, — сражение казаков с войском Кучума у Чувашева мыса.

«Две стихии встречаются» — эти слова художника точно передают и содержание картины, и ее драматизм. Кульминация битвы, сейчас решается ее судьба. Ермак — подлинный вожак, его энергичный жест указывает направление главного удара по вражеским рядам, в которых уже видны признаки паники.

Недалеко от того места, где произошел этот исторический бой, в Тобольске в 1838 году был сооружен первый памятник атаману. Деньги на него собирали по подписке. Колонна «Ермак» высотой 16 метров создана по проекту А. П. Брюллова. Он, как и его брат К. П. Брюллов, живо интересовался историей русского государства. Его монументальная композиция — дань памяти покорителям Сибири.

В 1862 году в Новгороде был открыт грандиозный памятник «Тысячелетие России», который, по мысли его создателей, отражал историю страны. Среди 129 фигур государственных деятелей, писателей, художников, просветителей, военных людей и героев, чья жизнь неотъемлема от прошлого России, есть и скульптура Ермака. В группе рядом с ним Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. Атаман изображен сидящим. Он глубоко задумался, словно открылось перед ним будущее Сибири.

Автор монумента М. О. Микешин привлек к реализации своего замысла других скульпторов. Образ Ермака воссоздан М. А. Чижевым.

М. О. Микешин стал победителем конкурса на лучший проект памятника Ермаку в Новочеркасске. Этот

памятник был открыт в 1904 году и посвящен 300-летию войска Донского, отмечавшемуся в 1870 году.

Из скульптурных изображений Ермака, хранящихся в музеях, наиболее знаменита работа М. М. Антокольского, созданная в 1891 году. Ермак стоит в доспехах, в правой руке его боевой топорик. Атаман готов к сражению, в его облике недюжинная сила и непоколебимая уверенность в правоте дела, которое стало главным в его жизни.

Памятники, бюсты, живописные полотна, рассказывающие о народном герое, украсили за последние годы площади некоторых городов нашей страны, среди них памятник атаману в городе Ермак Павлодарской области, фонды различных музеев.

И везде замечательный русский первопроходец предстает как покоритель нового, неведомого прежде мира, как человек, открывший для России дорогу в Сибирь, стоявший у истоков событий. Прошло немного времени после гибели Ермака, и по стопам его в огромные, неизвестные ранее просторы отправились русские служилые люди и путешественники, охотники за пушным зверем и беженцы, раскольники, устремившиеся в дальние края, чтобы укрыться от гнета помещиков и церкви, найти в новых местах новую жизнь, осваивать безбрежные просторы, которых тысячелетиями не касалась человеческая рука.

«Вольные люди» несли с собой и свои представления о жизни. Никогда не было на Сибирской земле крепостного права.

Как писал академик А. П. Окладников, «крестьянская колонизация Сибири означала резкий прогрессивный сдвиг в экономике новой окраины, освоение неиспользованных природных ресурсов, подъем производительных сил на новую, высшую ступень. Исключительное значение имело то, что русские принесли в Сибирь свою передовую европейскую культуру, материальную и ду-

ховную. Это благотворно сказалось на уровне культурного развития сибирских народов, привело к его повышению и взаимному обогащению духовной жизни русских и аборигенов»¹.

Северная эпопея Ермака стала началом освоения Сибири. История сохранила имена десятков русских землепроходцев, исследовавших неведомые миру раньше необъятные сибирские просторы. О Ермаке вспоминал знаменитый Пянда, который мечтал повторить подвиг атамана и оставить по себе такую же славную память, как он. Мы мало знаем о жизни этого вольного промышленника, скупавшего пушнину, храброго путешественника, даже настоящее имя его нам доподлинно неизвестно.

Предполагается, что звали его Демид Софонов, а Пянда — это его кличка (пянда — опушка подола самоедской оленьей рубахи). Меньше чем за четыре года он прошел речными путями около 8 тысяч километров, начав путь от Туруханска. Он был одним из первых русских людей, плывших по великой сибирской реке Лене. Это по-русски, а по-эвенки называлась она Елюенэ, что означает «Большая река», «угодна и обильна». Там, где находится нынешний Якутск, встретились впервые русские люди из отряда Пянды с якутами. По преданию, якутский вождь Тыгын рассказывал, что бородатые пришельцы были «толковые, смышленные люди. Молодцы и по силе-мощи своей, и по работе, и по приветливому обхождению весьма отменны они». И якобы среди русских, пришедших к якутам, был и Ермак. К тому времени почти четыре десятилетия минуло после гибели атамана, предания о нем и его деяниях распространились среди народов Сибири, и для них он оставался живым. Когда встречали русских, то сразу вспоминали о Ермаке, соизмеряли поступки пришельцев с тем, что слышали о его дружине. «Справедливые, не обидят» — эта молва о

¹ Окладников А. П. Открытие Сибири. М., 1979. С. 164.

чужеземцах подтверждалась с каждым новым приходом рослых, отчаянно смелых людей, говоривших на непонятном местным племенам языке.

Пянда, которого принимали поначалу за Ермака, во многом походил на атамана — и бесстрашием, и духом своим неукротимым, и желанием послужить отечеству, открыть новые пути. На небольших стругах с маленьким отрядом преодолел он гигантские расстояния по Лене, Ангаре, Енисею, не раз подвергался опасности в местах, где до сих пор не ступала нога русского человека.

Поиск «новых земель» расширялся с каждым годом. Через 15 лет после похода Пянды в 1639 году томский казак Иван Юрьевич Московитин с небольшим отрядом — всего в 30 человек — достиг «моря-окияна», на побережье которого жили родственные эвенкам ламуты (эвены). Ламское — такое название получило первоначально море, которое затем всем стало известно как Охотское. Подобно дружинникам Ермака томские казаки часть пути по рекам преодолели на стругах, столкнулись с нехваткой продовольствия, налаживали связи с аборигенами и, наверное, нередко вспоминали при этом легендарного атамана. Опыт Ермака, умевшего ладить с местными племенами, человека справедливого и доброжелательного, пригодился другим первооткрывателям.

Прошло еще несколько лет, и еще один казак Семен Иванович Дежнев на деревянном коче — неуклюжем с виду парусном гребном судне с малой осадкой («бежали парусом по большому морю») проплыл от устья Колымы в Тихий океан, открыл пролив между Азией и Америкой, доказал, что Азиатский и Североамериканский материки не соединяются, первым составил чертеж бассейна «Анадырь-реки». И у казаков Дежнева судьба была трудной, терпели они и крушения, и голод. «А пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шел я, бедный Семейка, с товарищи до Анадыря-реки ровно десять педель и пали (попали) на Ана-

дырь-реки вниз, близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И с голоду мы, бедные, врознь разбрелись». Но испытания не сломили дух казаков. И так же как дружинники Ермака, не имели Дежнев и его люди никакой корысти, жили в бедности, но отчизне служили верно. Девятнадцать лет не получал Дежнев жалованья, а после того, как доставил он в царскую казну моржовых клыков больше чем на 17 тысяч рублей серебром, государь милостиво «одарил» Дежнева 126 рублями 20 копейками за 19 лет безупречной службы да велел «за его, Сенькину, службу и на прииск рыбаь зуба, за кость и за рапы поверстать в атамапы».

Долго еще служил Дежнев в Сибири, где с каждым годом имя Ермака окружалось все большим почетом.

Казаком был и Василий Данилович Поярков. В 1643 году он начал свой поход в землю, населенную даурами, с отрядом из 130 казаков. В поисках месторождений серебра, меди и свинца за три года проплыл около 8 тысяч километров, прошел новым путем от Лены на Амур, открыл новые реки, впервые в истории совершил плавание вдоль юго-западных берегов Охотского моря.

Только 50 казаков вернулись в Якутск. Привезли они с собой из экспедиции интересные сведения не только о землях по Амуру и других сибирских реках, но и о народах, населявших эти земли, их обычаях, говорили о том, какие перспективы сулят России новые открытия — «в том государю будет многия прибыль, потому что те землицы людны, и хлебны, и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны».

Освоение Приамурья продолжил Ерофей Павлович Хабаров. И опять в походе участвовали казаки, среди которых жили предания о Ермаке. Ермак сделал первый шаг. Он начал героический век великих русских географических открытий, которые имели огромные последствия для судеб России. И ярче всех, пожалуй, оценил значение этого исторического процесса М. В. Ломоносов,

когда говорил о том, что «Российское могущество прирастать будет Сибирью». Слова эти оказались пророческими.

В русской истории поход Ермака — одно из самых славных и героических событий. И народная память навсегда сохранила имя человека, который остался в истории как смелый первопроходец, мужественный воин, замечательный патриот своего Отечества.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
«Родом неизвестный, душой знаменитый»	3
«Как... дотти до Сибирской земли»	34
«И бысть брань жестока»	71
«Постоим противу врага твердо»	92
«И по смерти нашей... слава наша вечна будет»	123

Михаил Ильич Бузукашвили

ЕРМАК

Художник *В. А. Дуданов*
Редактор (литературный) *Т. Н. Зариковская*
Художественный редактор *А. Я. Салтанов*
Корректор *Т. В. Жильцова*

ИБ № 3539

Сдано в набор 04.04.88. Подписано в печать 30.06.89. Г-19942.
Формат 70×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обычнов. новая.
Печать высокая. Печ. л. 4½. Усл. печ. л. 6,30+1 вкл. ¼ печ. л.,
0,35 усл. печ. л. Усл. кр. отт. 6,91. Уч.-изд. л. 6,83. Изд. № 2/3748.
Тираж 50 000 экз. Зак. 557. Цена 30 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

30 к.

